

И

ВЕСТНИК
СТИНЫ

**«Поминайте
наставников
ВАШИХ...» Евр. 13,7**

Памяти
благословенного
труженика
братства
члена Совета
церквей ЕХБ —
Степана
Никитовича
МИСИРУКА.

1931 - 1996

ПРИПОЖЕНИЕ

2

1996

Жизнь христианина — это путь к Отцу,
и наиболее торжественный миг ее — это смерть.

Ангелы присутствуют при нем.

Все обитающие на той, надзвездной стороне,

с неопикуемой радостью

приветствуют прибытие новой души.

Когда путник проходит долиной смертной тени,

Отец выходит к нему навстречу

и принимает его в Свои объятия.

Здесь на земле мы называем это смертью.

Это означает окончание пути к Отцу.

Это не уход, а прибытие, не сон, а пробуждение!

Жизнь для тех, кто живет подобно Христу,

вовсе не погребальная процессия.

Это триумфальное шествие к Отцу!

Л у ч ш и м и з !

Это восшествие в собственную колесницу Господа!

Да, когда мы смотрим на жизнь как на путь к Отцу,

нас не устрашит

ни ночь, ни мрак, ни сумерки, ни заход солнца.

Это жизнь — ночь, а смерть — восход солнца.

Не настаивайте на том,

чтобы ваши земные спутники оставались с вами на земле.

Помните: если вы желаете быть рядом с ними,

то и Христос желает видеть их около Себя.

Он издали заметил их и просит Отца Небесного

помочь им скорее совершить

путь домой, путь к Отцу.

Отче! — говорит Христос,—

которых Ты дал Мне,

хочу, чтобы там, где Я,

и они были со Мною...» (Иоан. 17, 24).

Поэтому лучше,

чтобы они ушли к Отцу.

ГЕНРИ ДРУММОНД

Благодать и истина
произошли чрез
Иисуса Христа.

Иоан. 1, 17

ВЕСТИНИК СТИНЫ

Духовно-
назидательный
журнал
Союза
церквей
евангельских
христиан-
баптистов

Издается
с 1963 года

Выходит
ежеквартально

Приложение
2 (134) . 1996

СОДЕРЖАНИЕ

«Церковь Христа — это малое стадо...» (Из проповеди С. Н. Мисирука) 2

ДУХОВНО-НАЗИДАТЕЛЬНЫЙ РАЗДЕЛ

Проповеди С. Н. Мисирука

Медлительные сердцем 4

Верный свидетель 8

Живая вера 10

Как безмерно могущество Божье! 13

Добрые грозды или дикие ягоды? 16

Автобиографический очерк

Узкий путь (С. Н. Мисирук) 18

СТРАНИЧКА УЗНИКА

Дорожите временем (Письмо из уз) 46

ОНИ СТРЕМИЛИСЬ К НЕБЕСНОМУ

Мужи благочестивые восхищаются от зла 48

Сын утешения (Г. К. Крючков) 50

Свидетельство друзей по вере 56

ХРИСТИАНСКАЯ СЕМЬЯ

С верой в будущее (С. Н. Мисирук) 68

«Чтоб в собрание нам быть...» (гимн, исполненный на похоронах С. Н. Мисирука) 72

Церковь Христа — это малое стадо, народ особенный, отделенный, для посторонних непонятный и даже загадочный. Путь, которым идет истинная церковь, — это страдания, катакомбы, амфитеатры, костры, истязания, пытки, тюрьмы. Таким он остался донныне, и для любящих Господа приятен, прекрасен, потому что ведет в жизнь вечную.

Если вспомнить время, в которое нам довелось жить, то от души хочется прославить Господа, что Он вывел нас из мертвой, отступившей от истины лжецеркви, которая перестала исполнять заветы Божьи и потеряла достоинство называться Церковью Христовой. Господь побудил наши сердца отделиться от нечестия и встать на путь особенный. Многие дети Божьи покаанием очистили сердца и решили идти за Гос-

подом тем путем, который проложил Он. Для многих, даже верующих, этот путь непонятен. Но узкий путь Христа — благословенный, и не идти по нему — значит потерять спасение.

Время коротко. Господь близко. Хочется, чтобы каждый проверил себя: к какой церкви он принадлежит. Я не раз задумывался: а нельзя ли Господу служить так, чтобы не терпеть столько трудностей на этой земле? Но останавливал такие раздумья и верой смотрел на воздаяние, которое Бог приготовил Своему народу. Он введет нас в вечные обители, в город, Художник и Строитель которого — Сам Бог! Там возлюбленная Церковь Его будет вечно радоваться. Только тогда мы вполне поймем значение слов гимна: «Стоит бороться, стоит смиряться, стоит за это жизнь всю отдать!..»

Невозможно умолчать и о страшной участи лжецеркви. Ее тоже ожидает будущее. Священное Писание говорит, что даже те, с которыми она жила дружно и была в прелюбодейной связи, восстанут на нее и разорят ее полностью.

К какой из этих двух церквей принадлежишь ты, дорогой друг? К той, кото-

рая прекрасна, чиста, ясна и даже грозна, как полки со знаменами? Истинная Церковь грозна и непримирима в борьбе со всяким нечестием. Она стремится только к победе, ибо побеждающий наследует все. И хотя одерживать победы нелегко, невзлюбивший душу свою в этом мире — побеждает.

Первоапостольская церковь победила Кровью Агнца и словом свидетельства своего. И это слово звучит и поныне на весь мир. Дал бы нам Господь такую же ревность свидетельствовать о Нем, невзирая ни на угрозы, ни на тюрьмы и страдания.

У нас есть с Кого брать пример. Христос победил на Голгофе, пролил святую Кровь для спасения грешников. В эту победу мы можем войти, но не пассивным созерцанием, а ежедневным подвизанием, словом свидетельства как в личной жизни, так и в жизни церкви. И как Христос, совершив подвиг страданий, вошел в славу Отца Небесного, так и Церковь Его возлюбленная будет увенчана славой, уготованной ей прежде создания мира.

С. Н. МИСИРУК

МЕДЛИТЕЛЬНЫЕ СЕРДЦЕМ

Радостная весть о воскресении Иисуса Христа возвещается вот уже две тысячи лет. И как бы ни старались противники истины заглушить ее или предать забвению воспоминание о Восставшем из мертвых, — «Бог воскресил Его, расторгнув узы смерти, потому что ей невозможно было удерживать Его» (Д. Ап. 2, 24). Христос, «отняв силы у начальств и властей, властно подверг их позору, восторжествовав над ними Собою» (Кол. 2, 15). С тех пор миллионы людей, мертвых по грехам и преступлениям, поверив в Воскресшего, восстали к новой жизни. Воскресение Христа сделало простых галилейских рыбаков великими Апостолами, и они, не убоившись мучений, сохранили верность Господу до смерти.

Весть воскресения — самая драгоценная для человека, потому что Христос умер за грехи наши и воскрес для нашего оправдания (1 Кор. 15, 3; Рим. 4, 25). Если бы Христос не воскрес, то в какой бездне греха потонуло бы все человечество, и где бы оказались мы с вами?! Но Христос воскрес — и какую славную надежду подарил Он нам! Мы знаем, что Бог, «Воскресив-

ший Господа Иисуса воскресит чрез Иисуса и нас» (2 Кор. 4, 14).

Имея такую отрадную надежду на вечное пребывание с Воскресшим в небесных чертогах, живем ли мы жизнью воскресения сегодня, сейчас, когда находимся в земной юдоли слез, когда терпим страдания, когда нас постигают искушения? Верим ли мы словам Господним или предаемся унынию, как несмысленные и медлительные сердцем ученики Христа, шедшие в Еммаус (Лук. 24, 25)?

Три с половиной года ученики были со Христом день и ночь. Он много учил их и неоднократно напоминал о предстоящих Ему страданиях. «Вложите вы себе в уши слова сии: Сын Человеческий будет предан в руки человеческие» (Лук. 9, 44). Христос открывал им, что Ему надлежит идти в Иерусалим и много пострадать от старейшин и первосвященников и книжников и быть убиту, и в третий день воскреснуть (Марк. 8, 31). «Но они не поняли слова сего, и оно было закрыто от них, так что они не постигли его...» (Лук. 9, 45).

Ни на йоту не нарушилось предсказанное Христом. Ученики были очевидцами страданий и крестной смерти своего Учителя, как Он и говорил им об этом заранее. Они знали пещеру, где был погребен Взавший на Себя грехи всего человечества. Но, увы, там в мрачной пещере, вместе с распятым Учителем были погребены и все их светлые надежды. Ученики были в унынии и растерянности после совершенного на Голгофе. Такими отчаявшимися и подавленными, полными тяжелых предчувствий и застало их Воскресение Иисуса Христа. Женщины, первые обнаружив-

шие пустую гробницу, не могли убедить учеников, что Христос воскрес. Они никак не могли прийти в себя от душевного смятения. Слова женщин показались им пустыми, они не поверили им (Лук. 24, 11). Петр и Иоанн побежали ко гробу, но не увидели там Того, в Которого так горячо уверовали, и Которому так преданно хотели служить. Слишком велика была утрата, чрезмерно глубока печаль, чтобы по-детски поверить радостной вести.

Безутешными возвращались в Еммаус и два других ученика Христа. Казнь Учителя, на Которого они возлагали столько надежд, омрачила не только их лица, но и сердца. В те дни в Иерусалиме много было печальных, обсуждающих случившееся, но Христос приблизился и пошел рядом с теми, кто не одобрял первосвященников, предавших Христа для осуждения на смерть (Лук. 24, 20). Эти двое, возможно, тоже не раз слышали, как Христос, предваряя их, говорил, что Ему надлежит быть вознесену на позорный крест; что Он должен воскреснуть, но очевидное торжество сил зла на Голгофе свергло их в пучину отчаяния. Неизвестно сколько времени Христос шел рядом с ними, слушая их горестные речи.

«О чем это вы, идя, рассуждаете между собой?» — прервал Христос их тягостные разговоры.

Клеопа удивился великим удивлением, что Незнакомец не знает о происшедшем в Иерусалиме. Какой странный вопрос! Разве можно в эти тяжелые дни рассуждать о ком-то другом, кроме Иисуса Назарянина?! И ученики поспешили излить Попутчику всю свою боль о распятом Учителе. «Уже третий день ныне, как это произошло; но

некоторые из наших женщин были рано у гроба и не нашли Тела Его... И Петр и Иоанн ходили ко гробу, но Христа не видели. Ангел явился нашим женщинам, и они говорили, что Он жив,— но можно ли поверить этим словам?!»

«О, бессмысленные и медлительные сердцем, чтобы веровать всему, что предсказывали пророки!» — совершенно по другому руслу направил дальнейшую беседу удивительный Незнакомец. «Бессмысленные и медлительные». Что это: упрек в неверии? Утешение? Зов к пробуждению или полное искреннего сочувствия напоминание об исполнении предсказанного?! О том, что произойдет со Христом, ученики были предупреждены, но когда все сие совершилось, духовные очи их были удержаны, чтобы разуть происхождение и не скорбеть, как не имеющие надежды (1 Фес. 4,13).

Слушая изъяснение всего, сказанного о Христе в Писании, ученики восторжеслись. Кто же это говорит с ними? Как глубоко Он знает Писание! Как быстро спустился на землю ввечер! Как незаметно кончился начатый в печали путь! «С таким прекрасным Попутчиком не хочется расставаться... — горело сердце учеников, и они удерживали неузнанного Христа: — Оставайтесь с нами». И Он остался, а когда «возлежал с ними, то, взяв хлеб, благословил, преломил и подал им. Тогда открылись у них глаза, и они узнали Его». Узнали по голосу, узнали по жестам, «но Он стал невидим для них». Если бы они раньше догадались, Кто идет рядом,— сколько тревог и недоумений рассеялось бы! И, несмотря на вечер, не чувствуя усталости, они в тот же час встали и возвратились в Иерусалим. Поспешили к таким же удрученным

одинадцати ученикам, чтобы порадовать их. Апостолы в этот поздний час, собравшись вместе, говорили о том, что «Господь истинно воскрес».

Рассуждая по-человечески, мы тоже можем упрекнуть учеников Христа в неверии и медлительности сердца. Ведь могли же они сопоставить факты с предсказанным и так не отчаиваться, тем более не возвращаться к прежним занятиям, а с терпением и упованием ждать благословенного конца. «Да не смущается сердце ваше и да не устрашается... Вот, Я сказал вам о том, прежде нежели сбьется, дабы вы поверили, когда сбудется» (Иоан. 14: 27, 29). Такими убедительными словами Христос ободрял их прежде Своих страданий.

Не станем торопиться с выводами, лучше обратим внимание на себя. Сегодня никто из тех, кто последовал за Христом, не сомневается в воскресении Иисуса Христа, никому не нужно доказывать этот неоспоримый факт. Но мне хочется, чтобы каждый из нас проверил себя: а всякому ли слову, сказанному Иисусом Христом, мы верим от всего сердца? Всякому ли Его слову беспрекословно повинемся? В послании Колоссянам мы читаем: «Если вы воскресли со Христом, то ищите горнего... о горнем помышляйте, а не о земном» (3, 1—2). Воскресли ли мы от мертвых дел? Будучи христианами, не живем ли по стихиям мира?

Как узнать, воскресли ли мы со Христом или живем по воле князя, господствующего в воздухе? Кто воскрес со Христом и живет обновленной жизнью, в пришествие Христа будет восхищен на небо для вечного пребывания в присутствии Его. Но что будет с медлительными сердцем, которые не покоряются

словам Христа? Они в непоправимом горе скажут: «Не горело ли в нас сердце наше, когда мы слышали призыв Христа к жизни полного отречения, к жертвенному служению и медлили с послушанием?» Пять неразумных дев в благоприятное время не позаботились об исполнении Духом Святым, а когда Жених пришел, им ничего не оставалось, как безутешно сокрушаться за свою беспечность. «Не горело ли в нас сердце, когда рядом с нами люди жили жертвенной жизнью, а мы все медлили последовать их доброму примеру?! Не побуждало ли нас сердце побеспокоиться заранее: а угодна ли Богу такая жизнь?»

«Если вы воскресли со Христом, то ищите горнего...» Воскресшие живут жизнью полной отдачи, в их сердце всегда горит заря воскресения, они радуют Господа своей верностью и прославляют имя Его в ежедневном жертвенном хождении. Сколько сегодня христиан, которые лишь умом воспринимают воскресение Иисуса Христа. Они бессмысленны и медлительны сердцем, чтобы жить в послушании Слову Божьему, не сознают, что жизнь Воскресшего должна быть очевидной не только тогда, когда они прославляют Бога в соборании, но и в их домах, в их детях, в их семьях. Один проповедник пришел в дом верующих и спросил мать семейства.

— Живет ли в вашем доме воскресший Христос?

— Мы молимся, поем, посещаем собрания... — убежденно ответила сестра.

— Я не об этом тревожусь. Живет ли Воскресший в ваших сердцах? — повторил служитель простой вопрос.

Сестра молча удивленно сдвинула брови.

Когда муж пришел домой, она рассказала о посещении брата.

— Надо было добавить, что мы ревностно посещаем собрания,— многозначительно поправил муж. — Он не об этом спрашивал...

Если о воскресении Христа мы вспоминаем только в торжественные пасхальные дни, а Сам Воскресший не управляет нашим сердцем и жизнью всей семьи, то слова Христа: «О, бессмысленные и медлительные сердцем» относятся к нам. Может, читая эти слова, сегодня чье-то сердце дрогнет, и вы осудите себя за то, что не помышляете о горнем, не ищите того, что угодно Духу Святому, уклоняетесь от полной отдачи Господу. Господь сердцеведец. Он прислушивается к нашим разговорам, и если мы скорбим о своем состоянии, Он пойдет рядом с нами и еще многое напомнит, во многом нас поправит. Он видит, на чьем лице печаль, и, если эта печаль о Боге, Он обрадует такое сердце, укажет путь смирения и полного послушания, позовет за Собой на трудности и лишения ради возвещения Слова Его погибающим.

Как часто мы не узнаем Его голоса и идем своим путем! А Он хотел бы наставить нас, чтобы наше сердце всегда горело любовью к Богу и ближним, чтобы мы славили Его за чудное воскресение.

В Воскресении Иисуса Христа сокрыта вся наша жизнь! Воскресением Своим Христос оправдал нас! Если бы Христос не воскрес, мы не имели бы оправдания, а это значит и спасения, и жизни вечной. Да поможет нам Бог жить для Умершего и Воскресшего за нас и прославлять Его всей своей жизнью.

С. Н. МИСИРУК

Аети Божьи, попав в затруднения, способны унывать, думая, что дело их забыто у Бога (Ис. 40, 27). Но какое дивное утешение предлагает нам Первый и Последний, Который был мертв, и се, жив: «Знаю твои дела, и скорбь, и нищету. Знаю твой труд, знаю все твои переживания. Знаю, как много нападок ты переносишь со стороны тех, которые считают себя иудеями, а они не таковы по сути,— все это Я знаю...»

Господь не только утешает переносящих злословия, но и повелевает: «Не бойся ничего, что тебе надобно будет претерпеть! Встань, как мужественный воин! Не обращай внимания на эти атаки сатаны!»

Больше того: Господь призывает рабов Своих, чье имя проносится как бесчестное, оставаться в этих обстоятельствах верными до смерти. Бог смотрит не на ревность нашу и способности, а на верность. Верного и благоразумного раба, который в точности исполняет поручения, господин, пришед, назовет блаженным. «Истинно говорю вам, что над всем именем своим поставит его»,— сказал Христос (Матф. 24, 47).

Сегодня здесь собраны те, которых «Дух Святой поставил блюстителями, пасти Церковь Господа и Бога» (Д. Ап. 20, 28). Господь доверил нам охранять Его возлюбленный виноградник от хищных волков, не щадящих стада, от лис и лисенят, которые портят любимое насаждение Божье (П. Песн. 2, 15), поручил нам питать народ Божий духовно здоровой пищей. Мы должны проявить верность в возложенном на нас служении: строго стоять на страже и никуда не уходить со своего поста.

ВЕРНЫЙ СВИДЕТЕЛЬ

Посещая церкви, я всегда забочусь: как преподать народу Божьему ту духовную пищу, которая бы достигала сердец и усовершенствовала души,— для меня это трудный вопрос. Я вижу, что в этом служении необходимо хранить верность и молюсь, чтобы мне быть «делателем неукоризненным, верно преподающим слово истины» (2 Тим. 2, 15).

Глядя на служителей, оставивших узкий путь следования за Господом, я заметил, что они изменили отношение к Слову Божьему. Вместо того чтобы питать народ Божий откровениями свыше, они стали использовать Слово Божье для оправдания своих неверных поступков, для защиты своих неверных взглядов. Это в корне неверно. Господь не приемлет такого отношения к Своему Слову, Он отвергнет все их дела.

«Будь верен до смерти!» — призывает нас Господь. До какого времени нужно сохранять верность? До старости? До тех пор, пока есть силы совершать служение? — Нет. «Будь верен до смерти». В последнее время в адрес служителей, которых Господь поставил в Церкви Своей, можно услышать такое: «Вы в свое время потрудились, теперь нужно уступить место другим...» Кажется, что тут плохого?! Но когда углубляемся в Слово Господне, находим, что оно требует от домостроителей верности не до того часа, когда они постарели, а до смерти, до того момента, когда Он Сам скажет: «Довольно! Хорошо, добрый и верный раб, войди в радость Господина твоего!» До тех пор, пока Господь употребляет нас в Своем деле, мы должны оставаться на своем посту. «От домостроителей же требуется, чтобы каждый оказался верным» (1 Кор. 4, 2). Верный в чем? — В малом и в большом. Малое — это милосердное отношение друг ко другу, а большое — это верное и чистое созидание Церкви Христовой.

Мне вспоминается жизнь праведного мужа Божьего Иова. В дни благоденствия он был окружен друзьями, и они казались самыми лучшими. Но вот пришло для Иова время больших испытаний. Бог

проверял верность раба Своего — и что же? Друзья резко изменили свое отношение к Иову, причем в самые трудные для него дни. Иов лежал в прахе, покрытый струпьями проказы, и друзья усиленно доказывали ему, что весь этот ужас постиг его не иначе, как за грех (Иов. 20 гл.). Послушав их рассуждения, можно сказать, что они правы. Но мы знаем, что Бог смотрел на Своего страдальца по-другому, у Бога были суждения иные. Он видел преданное сердце раба Своего. Бог даже дьяволу заметил: «Обратил ли ты внимание твое на раба Моего Иова? ибо нет такого, как он...» (Иов. 1, 8). Напомним последние слова, сказанные Богом друзьям Иова: «Горит гнев Мой на тебя и на двух друзей твоих за то, что вы говорили о Мне не так верно, как раб Мой Иов. Итак возьмите себе семь тельцов и семь овов, и пойдите к рабу Моему Иову, и принесите за себя жертву; и раб Мой Иов помолится за вас, ибо только лицо его Я приму, дабы не отвергнуть вас...» (Иов. 42, 7—8). Как бы хотелось, чтобы и у нас были верные суждения о служителях Божьих, на которых сатана обрушила во всей своей ярости клеветой и поношениями.

Верность Богу нужно сохранять и тогда, когда нам приходится совершать служение там, где престол сатаны, чтобы и там свято чтить имя Господне и не отречься от веры, хотя сатана через своих слуг будет оболщать народ Божий всевозможными еретическими учениями. Когда же называющие себя Апостолами будут всячески злословить истинных служителей Божьих,— мы должны сказать свое слово в защиту истины.

В книге Откровение говорится о верном свидетеле Божьем Антипе, который полатился жизнью за свою стойкость. В то время были и другие христиане, которые не выступали открыто против нечестия, но Антипу, хотя он и оставался один, никто не мог сломить и заставить отречься от веры. Сколько, по видимому, на него было нападок со всех сторон! Но Господь не забыл раба Своего и отметил его верность на страницах

Священного Писания (Откр. 2, 13). За всю историю христианства умерщвлено множество таких, как Антипа.

Великую верность проявили Апостолы Христовы. В послании Филиппийцам Апостол Павел отмечает верность Тимофея (2, 22), а в послании Евреям указывает на целое облако свидетелей, проявивших верность Богу в земном хождении. Тесные обстоятельства, побои, поругания, узы и темницы не сломили верности святых. Хочется, чтобы и мы научились ценить верность в тех, с кем Господь доверил нам совершать ответственное служение.

Чем были дороги Христу ученики, что Он брал их с Собой на гору Преображения, в Гефсиманию? Что ценил в них Христос? — Я думаю — преданность. Хотя Петр по своей горячности и самонадеянности отрекся, но он горькими слезами оплакал свое малодушие. Иисус Христос видел не только вспыльчивость Своего ученика, но и его преданность и верность. Несмотря на слабости и немощи Своих учеников, Христос приближал их к Себе, а после Своего воскресения даже послал к удрученному горем Петру сказать, что желает видеть Его, чтобы утешить и поручить ответственное дело служения.

«Будь верен до смерти» — это призыв Господень всем, возлюбившим явление Его. «Боязливых же и неверных, и скверных и убийц, и любодеев и чародеев, и идолослужителей и всех лжецов — участь в озере, горящем огнем и серою...» (Откр. 21, 8). Как видим, вопрос верности — весьма серьезный. Бог ставит на одну ступень неверного и чародея. Служителей, не сохранивших верность в деле Божьем, — участь в озере, горящем огнем и серой. Поэтому будем ходить в страхе Божьем, с верностью, без всякого предубеждения будем разрешать все вопросы, касающиеся домостроительства Церкви Христовой. Для этого будем просить у Господа милости, мудрости и силы.

С. Н. МИСИРУК

Аорогие друзья! Думаю, что каждый христианин желает иметь живую веру в Господа Иисуса Христа, веру, которая была бы действительной, спасающей.

Евангелие повествует нам об отце бесноватого отрока, который пришел ко Христу в великой печали: «Учитель! я привел к Тебе сына моего... Многократно дух бросал его и в огонь и в воду, чтобы погубить его; но, если что можешь, сжался над нами и помоги нам. Иисус сказал ему: если сколько-нибудь можешь веровать, все возможно верующему. И тотчас отец отрока воскликнул со слезами: верую, Господи! помоги моему неверию» (Марк. 9: 17, 22—24). Сила Господня велика, но наше неверие и даже маловерие мешают ей проявиться. Стоит только от всего сердца исповедать это перед Господом — и мы получим просимое, как получил отец здоровым сына.

Ученик Иисуса Христа, Петр, увидев Учителя, идущего по гребням волн, загорелся желанием прийти к Нему по воде. Учитель позволил. Петр перешагнул борт лодки, в которую били волны, и впервые в жизни не поплыл, а пошел по водной дороге! Шел и смотрел на Христа. Шел, изумленный Божественным чудом. «Но, видя сильный ветер, испугался и, начав утопать, закричал: Господи, спаси меня». Петр верой дерзнул идти, и шел, пока не устранился. «Маловерный! зачем ты усомнился?» — простер Христос руку Петру и ввел его в лодку (Матф. 14, 31—32).

Как мне хочется, чтобы все дети Божьи имели живую веру в Иисуса

**ЖИВАЯ
ВЕРА**

Христа и не боялись бушующих волн этого мира! Бог с нами, Он — наш помощник, поэтому не убоимся, что делает нам человек (Евр. 13, 6). Не будем колебаться в обетовании Божьем неверием, но будем тверды в вере, воздав славу Богу (Рим. 4, 20).

С живой верой в сердце достаточно прикоснуться ко Христу, чтобы получить просимое, как получила исцеление женщина (Марк. 5, 25—34). Верой и сегодня народ Божий творит правду и побеждает царства (Евр. 11, 33).

Но Священное Писание предупреждает нас, что и среди христиан есть беспорядочные и лукавые люди, в которых нет живой веры

(2 Фес. 3, 2). Кажется, как это так? Как верующие могут быть без веры? — Значит, могут. Поэтому Апостол Павел и советует: «Испытывайте самих себя, в вере ли вы? самих себя исследывайте» (2 Кор. 13, 5). Когда-то эти слова Апостол сказал коринфским верующим, а сегодня, глядя на наше хождение, он и нам бы повторил это предупреждение: есть ли у вас живая вера? Исследуйте себя, может, ваша вера бездейственна, и вы не стоите в вере и не подвизаетесь единодушно за веру евангельскую. Во Христе Иисусе имеет силу только вера, действующая любовью (Гал. 5, 6).

Апостол Иаков предупреждает детей Божьих, что вера некоторых может быть мертва, бездейственна и не приносит ни им, ни Богу никакой пользы. Более того, мертвая вера, у которой нет дел любви, не может спасти человека (Иак. 2, 14). Имеющие мертвую веру — неосновательные люди, потому что только делами вера достигает совершенства.

Вера каждого христианина должна укрепляться и возрастать. Для этого мы посещаем богослужения, читаем дома Слово Божье, ибо «вера от слышания, а слышание от слова Божия» (Рим. 10, 17). При этом всякое слышанное слово должно быть растворено верой, — тогда только оно принесет пользу нашей душе, усовершит нас (Евр. 4, 2).

Наша вера укрепляется еще и тогда, когда мы смотрим не на видимое, а на невидимое. Когда наши взоры устремлены на небесное, тогда все земное становится для нас таким ничтожным, таким пустым! Даже страдания, которые мы переносим сегодня, идя узким путем, становятся ничтожными в сравнении со славой, которая откроется в нас. Обращая духовный взор на веч-

ное, мы верой видим, какую прекрасную вечность приготовил для нас Бог! Созерцая верой наше будущее вечное жилище, мы уже сейчас радуемся радостью неизреченной и преславной.

Сегодня нам Господь еще напоминает слова Иисуса Христа: «Кто хочет идти за Мною, отвергнись себя и возьми крест свой и следуй за Мною; ибо кто хочет душу свою сберечь, тот потеряет ее...» (Матф. 16, 24—25). Каждый желает сберечь свою душу, желает nasledовать спасение, но без живой веры в Господа, в Его славную вечность, мы не сможем отречься от себя, нам будет стыдно это сделать. А кто постыдится Иисуса Христа здесь, на земле, «того постыдится и Сын Человеческий, когда придет в славе Отца Своего со святыми Ангелами» (Марк. 8, 38).

Дорогие друзья! Желаю, чтобы наша вера больше укреплялась, чтобы мы больше доверялись Господу. Будем жить верой, молиться с верой, нимало не сомневаясь, и получим просимое. В молитвах наших исповедуем Господу свои сомнения и страх, смущающий нас. Будем помнить, что истинная вера побеждает страх. «Не бойся, только веруй!» — ободряет нас Христос. Для верующего нет ничего невозможного!

Идя по волнам житейского моря, мы, подобно Петру, часто смущаемся и тонем, забывая воззвать ко Христу: «Господи, помоги! Я погибаю в бушующих волнах! Заботы века сего захлестывают меня и тянут в пучину. Я никак не могу освободиться от житейских пут, чтобы идти за Тобой, не страшась ничего...» И Господь поспешит на помощь всякой душе, которая обращается к Нему с живой верой.

С. Н. МИСИРУК

КАК БЕЗМЕРНО МОГУЩЕСТВО БОЖЬЕ!

Ефес. 1, 19

Христос часто призывает слушающий Его народ к бодрствованию. Неоднократно Он напоминал и ученикам: «Бодрствуйте и молитесь, чтобы не впасть в искушение...» (Матф. 26, 41).

Мы — тоже ученики Иисуса Христа, и это слово относится к нам. Господь желает пробудить и наши сердца, и нас желает научить бодрствованию. «Придите и научитесь от Меня...» (Матф. 11, 28). Многие приходят на богослужения, но не все воспринимают уроки, которые преподает Бог. О некоторых Священное Писание говорит, что они всегда учатся и никогда не могут дойти до познания истины (2 Тим. 3, 7). Господь желает подарить нам полноценную жизнь, сердечный покой и приглашает: «Научитесь от Меня».

Наши богослужения — это прекрасное место для обретения духовных знаний. Что мы усвоили сегодня из преподаваемого Господом? «Блажен человек, который на Господа возлагает надежду свою...» (Пс. 39, 5) — напомнил нам Господь драгоценные слова псалмопевца Давида. Никто из нас не сомневается и никому не нужно доказывать насколько счастливы надеющиеся на Господа. Жалок и несчастен тот, кто не научился этому у ног Господа, а полагается на свои силы, ищет опору в людях. Будем же при любых обстоятельствах возлагать упование на Господа! Трудный это урок, но усвоить его весьма необходимо. Заметьте, Господь не сказал: «Придите и учитесь...», но «научитесь». Значит, это нам

по силам. И научиться этому нужно однажды, а последующей жизнью подтверждать это. Не учить постоянно одно и то же и все же при всякой новой трудности отчаиваться, обращаться за помощью к гордым и к уклоняющимся ко лжи. Нет, а положить в сердце своем никогда не искать опоры в людях, но лишь в Боге! В Нем одном только покой и счастье.

Второй урок, преподанный нам Господом, был такой: живет ли в нас Дух воскресшего Христа? Если да, то Он оживит и наши смертные тела и будет учить нас, потому что Он — Дух учающий, Дух наставляющий (Иоан. 14, 26). Дух Святой направляет наши мысли к Иисусу Христу, к более глубокому познанию Его.

Апостол Павел, услышав о вере ефесских верующих и о любви ко всем святым, благодарил Бога за них и молился, чтобы Отец Небесный дал им «Духа премудрости и откровения к познанию Его» (Еф. 1, 15—17). Какая это великая нужда для каждого христианина, чтобы Дух Того, Кто воскресил Христа, жил в наших сердцах, чтобы Он открывал нам могущество Божье, и оно проявлялось бы в нашей жизни!

Темные духи злобы поднебесные, действующие в сынах противления, окружают святых, чтобы погубить. Но нас радует то, что сила Божья, действующая в сынах света, могущественней, и мы, немощные и ничтожные, облеченные силой воскресшего Иисуса Христа, побеждаем врага душ человеческих. Побеждаем, потому что от этой Божественной силы нам даровано все потребное для жизни и благочестия, дарованы великие и драгоценные обетования, и через них мы сделались причастниками Божеского естества, удалившись от господствующего в мире растления похотью (2 Петр.

1, 3—4). Бог желает, чтобы мы больше и больше познавали Его и исполнялись Его силой, дабы побеждать все сатанинские козни, встречающиеся на нашем пути. К победной жизни призвал нас Господь — какое это славное наследие! Если бы все христиане обрели эту силу, то не было бы среди нас столько немощных и слабых духовно. Тогда не прилеплялись бы наши сердца к земному, но, напротив, мы бы горели огнем любви Божьей. Если бы сила Божья действовала в нас могущественно, мы спешили бы сказать о Господе другим и нас не нужно было бы побуждать к этому.

Апостол Петр также прославлял Бога за то, что Бог по Своей великой милости возродил нас воскресением Иисуса Христа из мертвых к упованию живому, наследству нетленному, чистому, неувядаемому (1 Петр. 1, 3—4). О, если бы каждый христианин увидел это духовное наследие, принял его верой и жил преисполненный этой благодати! Воистину, «безмерно величие могущества Его в нас, верующих по действию державной силы Его» (Еф. 1, 19)!

Дивную силу Свою Бог хочет проявлять через нашу жизнь. Он воскресил Иисуса Христа и посадил Его одесную Себя на небесах, и нас, мертвых по грехам и преступлениям, оживотворил со Христом и посадил на небесах во Христе Иисусе.

Иисус Христос сказал: «Дана Мне всякая власть на небе и на земле» (Матф. 28, 18). Этой силой Своей Он хочет действовать в наших сердцах, но только тогда, когда мы даем возможность Богу совершать Свою работу, когда своей плотской силой не мешаем Ему, не тормозим, когда возлагаем всю надежду на Него, — тогда мы блаженны!

Если Бог действует Своей силой

в нас и через нас, тогда и молитвы наши не будут напрасны, потому что Он сказал: «Все, чего ни попросите в молитве с верою, получите» (Матф. 21, 22). Если Дух Того, Кто воскресил Иисуса Христа, не живет в наших сердцах, то у нас не будет желания ни молиться, ни читать Слово Божье, ни посещать богослужения, — все это мы будем заставлять себя делать. Когда же Бог живет в нас, тогда мы с радостью спешим возвестить о Господе другим. Вспомните, какая сила побудила Самарянку оставить свой водонос, бежать в селение и говорить: «Идите посмотрите: я нашла Человека, Который знает обо мне все! Он рассказал мне, что тревожит мою душу, — не Он ли Мессия?!» И сбегалось все селение слушать Христа. Сила Божья действовала через Самарянку и побудила многих пойти к Иисусу Христу. А когда они пришли и уверовали, то говорили: «Уже не по твоим речам веруем, ибо сами слышали и узнали, что Он истинно Спаситель мира, Христос» (Иоан. 4, 42).

Господь дарует силу Свою жаждущим и дает несравненно больше того, о чем мы просим или помышляем (Еф. 3, 20). Проверим себя каждый: действует ли во мне сила Божья могущественно? Дает ли она мне победу над немощами, над злом, восстанавливая на душу? Побеждаю ли я силой Божьей духов злобы поднебесных? Если в нас пребывает эта могущественная сила, мы не будем унылыми, но будем ликовать, воздавая славу Господу!

Если нет в нас этой Божественной силы, сегодня преклоним колени и скажем: «Господи! просвети очи сердца моего. Озари моего внутреннего человека, чтобы я верой принял это великое неувядаемое наследие, которое Ты хранишь для меня». По-

сле такой искренней молитвы наше сердце загорится желанием обладать этим чудным наследием вместе с Иисусом Христом, ибо все, что Ему дал Отец Небесный, Он дарует и нам, и туда, где Он обитает, Христос желает ввести и нас (Иоан. 17: 10, 24). Если мы дети Божьи, «то и наследники, наследники Божию, сонаследники же Христу, если только с Ним страдаем, чтобы с Ним и прославиться» (Рим. 8, 17). Верные дети Божьи будут разделять со Христом славу Его! Бог воистину это сделает! Бог нашу тленную плоть преобразит и облечет нас в Свои славные бессмертные одежды, чтобы пребывать перед Ним вовеки. Разве это не величественно, что нас, мертвых по грехам и преступлениям, Бог воскресил к упованию живому?! Разве это не чудесно, что Бог спас нас благодатью Своей? Божья благодать неизмерима, она глубже всех морей и океанов — чем ее измерить?! Она больше всех наших грехов, и всякого, кто приходит к Богу в покаянии, Его благодать прощает и покрывает все грехи.

Сегодня еще есть возможность проверить себя и помолиться: «Господь, я так много лет иду за Тобой, но еще не научился возлагать надежду на Тебя полностью. Не научился кротости, смирению, не предоставил в Твое полное распоряжение сердце свое. Не получил я Твоей силы, которая действует могущественно...»

Помолитесь Богу, кто имеет нужду в силе Божьей, и мы присоединимся к вашей просьбе, чтобы Бог наполнил ваше сердце ликованием. А Тому, Кто действует в нас, Который может послать нам несравненно больше того, о чем мы помышляем, Тому слава в Церкви и ныне и во веки веков. Аминь.

С. Н. МИСИРУК

ДОБРЫЕ ГРОЗДЫ ИЛИ ДИКИЕ ЯГОДЫ?

Сегодня мы отмечаем праздник Жатвы — день благодарения Господа за изобилие плодов, которые Он взрастил для нас.

Проповедники напоминали о том, что «жатва есть кончина века», и все, что происходит на земле, служит прообразом того, что будет в Вечности. Мы знаем, что придет долгожданный час, когда Господь соберет пшеницу в житницу Свою, а плевелы сожжет огнем неугасимым. Поэтому Бог через проповедников призвал проверить свое хождение перед Ним: как мы трудимся для Господа и какие плоды приносим для славы Его.

Я напомню слова из книги пророка Исаии: «У Возлюбленного Моего был виноградник на вершине утучненной горы. И Он обнес его оградой, и очистил его от камней, и насадил в нем отборные виноградные лозы, и построил башню посреди его, и выкопал в нем то-

чило, и ожидал, что он принесет добрые грозды, а он принес дикие ягоды. И ныне... рассудите Меня с виноградником Моим. Что еще надлежало бы сделать для виноградника Моего, чего Я не сделал ему? почему, когда Я ожидал, что он принесет добрые грозды, он принес дикие ягоды?» (5, 1—4).

Такой же скорбью наполнены слова пророка Иеремии о винограднике, который служит прообразом народа Израильского: «Я насадил тебя как благородную лозу, — самое чистое семя; как же ты превратилась у Меня в дикую отпрысь чужой лозы?» (2, 21).

Не будем говорить, что это слово к нам не относится, лучше проверим себя внимательно. Бог сделал для нас все: призвал, очистил, оправдал, привил к Лозе, чтобы мы приносили Богу добрые плоды. От каждого из Своих последователей Бог ожидает плодов святости, праведности, радости, мира (Гал. 5, 22). А что может сказать Бог, взглянув на нас? Откуда в христианах дикие ягоды гнева, раздражения, неприязни? Откуда горькие обиды и колкие слова, неприправленные солью благодати (Кол. 4, 6)? Наверное, от небодрствования. Наверное, мы не стояли на страже своего сердца, не охраняли того, что насадил Господь.

Если посмотреть на сегог-

нешнюю жизнь христиан, то нетрудно увидеть, что некоторые сильно устремились в мир. Мир постепенно входит в жизнь церкви, и лицо ее сильно изменилось. А ведь дружба с миром есть вражда против Бога (Иак. 4, 4).

Посмотрите, что сегодня сеют родители в сердцах детей?! Разве можно ожидать добрых плодов, если сеется зло? «Не обманывайтесь: Бог поругаем не бывает. Что посеет человек, то и пожнет» (Гал. 6, 7). Посеешь лицемерие, неприязнь, поженешь ненависть и коварство. Слово Божье говорит: «Так как они сеяли ветер, то и пожнут бурю...» (Ос. 8, 7).

Наблюдая за жизнью в семьях христиан, я скорблю: почему же нет святой, богобоязненной жизни, почему нет любви и долготерпения? Кажется, сеялось в душах самое чистое семя, но как же оно превратилось в дикую отпрысь чужой лозы? «Я, Господь, хранитель его, — пишет пророк Исаия, — в каждое мгновение напою его; ночью и днем стерегу его, чтобы кто не ворвался в него. Гнева нет во Мне. Но если бы кто противопоставил Мне в нем волчцы и терны, Я войною пойду против него, выжгу его совсем. Разве прибежит к защите Моей, и заключит мир со Мною? тогда пусть заключит мир со Мною» (27, 3—5).

С. Н. МИСИРУК

Узкий путь

Годы детства

Ни года, ни дня своего рождения я не знал. Мать умерла, когда я был ребенком; отец тоже не помнил точной даты, поэтому в документах записали: 6 июня 1931 года.

Родился я в Волынской области, в глухом селе Крымно (17 километров от районного центра). Детей в семье было шестеро, я — самый младший.

Мне посчастливилось бывать в воскресной школе и учить молитву «Отче наш», из которой в детской памяти осталось всего несколько слов.

Родители были евангельскими христианами. К нам часто заходили верующие сестры. Длинными зимними вечерами они пряли на веретенах

и пели. Любимым маминим гимном был: «Уж скоро Господь нас введет в Ханаан...» Возможно, она чувствовала, что скоро перейдет в вечность. Не знаю почему, но, указывая на меня, она говорила сестрам: «Этот будет таким, как библейский Стефан...». Смысл этих слов я не понимал, потому что Библию в детстве нам не читали. Только теперь, когда Господь повел меня путем страданий,

мне стали понятны ее слова. Мама много молилась о нас. Слава Богу, ее молитвы услышаны: все дети стали христианами.

Научился и я петь христианский гимн «Вот ворота пред тобою...». Где бы я ни ходил — везде распевал его,

мне очень хотелось попасть на небо, где живет Христос.

Я был более привязан к отцу, хотя воспитанием детей он не занимался, потому что с раннего утра и до поздней ночи работал в поле.

Мне было года четыре, когда однажды отец и мать уехали на христианский брак, а мы остались одни. Помню, пришли соседские мальчики, ровесники моим старшим братьям, и принесли табак. Было лето, мы спрятались в конопле и все начали курить. Вдруг слышим пение: родители возвращались с богослужения... «Теперь нам будет!..» — забеспокоились старшие братья. На меня тогда тоже напал страх. «Больше никогда курить не буду», — решил я. На протяжении всей жизни Господь хранил меня от этого порока.

Жажда спасения

После смерти матери отец духовно охладел и, когда мы переехали в 1950 году в Одессу, в собрание не ходил. Женился. Дети пошли каждый своей дорогой.

Во время войны я учился в школе. Окончил шесть классов и устроился на работу. Там научился играть в карты, домино и тратил на это все свободное время. На танцы меня не влекло, а в кино изредка ходил. Пристрастился к вину, потому что был свой виноградник, делали вино. Но какой-то огонь жег мою совесть, хотелось стать верующим, но не было человека, который привел бы меня к Иисусу Христу.

Я присматривался к людям: не встречу ли знающих Бога? В нашей бригаде работали верующие отец с сыном, но они были азартными игроками в домино, и я никогда не слышал от них свидетельство о Господе. Евангелия у меня не было.

Наконец я узнал, что в нашем поселке есть верующие и прохо-

дят собрания. 31 декабря 1951 года мы с товарищем пришли туда. Там были в основном старички. Собрание окончилось, верующие остались встречать Новый год, а нас никто не пригласил. Обидевшись, мы ушли.

В 1953 году на Троицу я немножко выпил с друзьями, но на душе было тяжело, — я решил больше никогда не пить. Слава Господу, Он помог мне сдержать это слово.

В августе 1953 года отца посетил местный служитель. Как сейчас помню: пришел я вечером с работы, а они рассуждают о том, как после проповеди Апостола Петра весь дом Корнилия был спасен. Сердце мое загорелось: а наша семья? Неужели мы не можем спастись? Мне так захотелось помолиться, но брат беседовал с отцом и не обращал внимание на то, с какой жаждой я его слушал.

В ту ночь я дежурил в винограднике и там наедине с Богом излил свою душу перед Ним. На сердце стало легко: я почувствовал, что Господь простил меня и дал новую жизнь.

С радостью я пошел на собрание. На богослужении было 12 старцев. «Я хочу служить Господу, помолитесь обо мне», — попросил я верующих. Руководящий брат предложил: «Если ты можешь — помолись». Я склонился на колени и со слезами помолился.

Первые шаги духовной жизни

После покаяния в душе загорелось желание возвещать о Господе другим. Каждый раз я старался привести в собрание хотя бы одного из знакомых.

Я узнал, что и на Пересыпи проходят богослужения и там много молодежи. Меня и моего брата Тимофея молодежь окружила большим вниманием.

Вскоре покаялись: моя жена, мой

родной брат и еще некоторые. В 1954 году восемь человек заявили на крещение. Для Усатовской зарегистрированной церкви это был праздник: с 1945 года они не крестили ни одной души.

Мне и жене брата уполномоченный не разрешил преподавать крещение. Я огорчился до слез. Диакон городской общины Пироженко крестил нас с условием, что никому не расскажу.

Соседи заметили, что наша жизнь резко изменилась. Удивлялись: «Что с ними произошло? Каждый вечер поют!»

На нашем собрании иногда некому было даже проповедовать. Однажды старец, который уже лет 15 был верующим, предложил мне помолиться перед началом богослужения.

— А почему не вы? — растерялся я.

— Я никогда вслух не молился, — сознался он.

Хотя я был еще духовным младенцем, но в трепете помолился, потом кто-то из сестер прочитал Слово Божье.

Собрания проходили по воскресеньям. Однажды сестра-проповедница предложила мне первый раз сказать слово: «У меня же нет Евангелия!» Она дала Новый Завет: «Подготовься». — «Можно это прочитать?» — спросил я, открыв знакомое место Священного Писания. Она взглянула: «Можно». Прочитал вслух и говорю: «Братья и сестры, я не могу объяснить эти слова, пусть Сам Господь вам откроет». Сказал «аминь» и сел.

Вскоре Господь послал Евангелие. С тех пор почти каждое собрание, хотя и в слабости, но я проповедовал. Господь благословлял: церковь понемногу росла, каждый год были желающие принять крещение. Нас было уже 44 члена церкви. (До моего обращения было 18 членов и, чтобы

не сняли регистрацию, прежний служитель включал каждый год в списки двух умерших.)

Начало искушений

В 1955 году меня избрали в церковный совет, назначили секретарем общины. Писал письма во ВСЕХБ, составлял каждый год отчеты и списки; вел протоколы членских собраний и отсылал уполномоченному.

В 1957 году ВСЕХБ выпустил Библии. Желающие получить должны были выслать деньги. Мы отослали, но Библий не получили. В то же время церковь решила купить молитвенный дом. ВСЕХБ, делая вид, что участвует в нуждах народа Божьего, выслал нам для строительства наши же деньги, посланные для покупки Библий, и напомнил: «Если хотите получить Библии — высылайте деньги».

Церковь поручила мне высьнить, в чем дело. Я написал: «Деньги на Библии мы высылали, но по всему видно, что вы поступаете по принципу: "Кто имеет, тому дано будет, а кто не имеет, у того отнимется и то, что думает иметь"». После этого нам выслали Библию и три сборника духовных песен и напомнили, чтобы мы все-таки рассчитались за них.

В нашей церкви нужно было рукоположить служителя. Пригласили старшего пресвитера по Одесской области — М. С. Липового. Нас предупредили, что он сотрудничает с властями. «А зачем же мы его приглашаем?» — спросил я братьев. Меня успокоили, что во ВСЕХБ лучших служителей нет.

Липовой в письме спросил адрес нашего молитвенного дома и как его найти. Мы объяснили, на каком трамвае ехать. Он же подъехал к дому на такси и предложил, чтобы мы рассчитались с водителем.

Кратко побеседовав, он совершил рукоположение, попросил

денег на обратный путь и уехал.

Такое отношение служителей ВСЕХБ к делу Божьему меня очень встревожило. Я понимал, что они находятся в недолжном духовном состоянии, но выхода из создавшегося положения не видел.

Пресвитер городской общины ВСЕХБ Н. В. Кузьменко, посещая нас, придерживался инструкций ВСЕХБ: не проповедовал и даже отказался отвечать на вопросы после собрания.

В нашу церковь приезжали гости и участвовали в слове. Когда узнавал об этом Кузьменко, то спрашивал, где они остановились, и тогда на те квартиры приходила милиция с проверкой. Посадили однажды в машину сестру и возили по городу, чтобы она в толпе опознала приехавшего проповедника. Кузьменко угрожал, что общину закроют, а нас посадят в тюрьму за то, что «принимает неизвестных проповедников».

Детей в общине, можно сказать, у нас не было, поэтому некого было выводить, как это делалось в других общинах ВСЕХБ, о чем мы узнали позже.

В 1958 году на Пересыпи закрыли общину. Кузьменко сразу вызвал меня и пресвитера нашей церкви и поставил на вид, что мы принимаем «бродячих» проповедников.

— Вашу общину тоже могут закрыть.

— Что нам делать, чтобы этого не случилось? — спросил я.

— Пусть проповедуют только члены исполоргана, они имеют право.

Мы сначала согласились, но когда посетили Пересыпскую церковь и увидели, что они проводят богослужения под открытым небом, и проповедуют все желающие, то ободрились и не стали соблюдать предписаний Кузьменко. Приглашали пересыпских братьев и с радостью слушали их проповеди.

В 1960 году ВСЕХБ прислал в нашу общину «Новое Положение» с сопроводительной запиской: «Сообщите, единодушно ли вы приняли этот документ? Кто не согласен — пришлите адреса и фамилии».

Семьдесят процентов верующих возмущались духом этих документов, но братья, зная, что несогласных сразу начнут преследовать, решили ответить, что «приняли все».

Господь пробуждает Свой народ

Настал 1961 год. Однажды ко мне на работу пришел родной брат и принес Первое послание Инициативной группы. Я перечитал его несколько раз и радовался, что Господь не оставил народ Свой. Мне понятнее стала отступническая деятельность Липового, Кузьменко и других служителей ВСЕХБ.

Прочитал Послание одному, второму брату — они были в восторге. Пришел к пресвитеру-старцу, поздравил и его.

— Это Господь пробуждает народ Свой! Это то, чего мы давно ожидали! — дополнил он мою радость.

— Брат, а если прочитать Послание в церкви, не закроют молитвенный дом?

— Если церковь очистится и освятится, как призывают братья, и нам удастся прожить новой жизнью хотя бы три месяца, то и за это слава Богу, а там — пусть закрывают.

Не откладывая, мы прочитали Послание всей церкви. Призыв братьев к очищению и освящению все восприняли как голос Божий. Не согласен был только один — он сразу же перешел в городскую общину.

Всей церковью мы молились о съезде.

Как-то в письме от имени церкви я спросил старшего пресвитера по Украине Андреева: «Мы регулярно от-

сылаем средства, почему нас не посылают служители ВСЕХБ?» Андреев ответил: «Мы имеем право посещать только большие церкви, а ваша — маленькая».

Тогда мы отправили во ВСЕХБ письмо с просьбой не присылать в дальнейшем журнал «Братский вестник». «Мы считаем вас отступниками от истины»,— написали мы. Сразу же приехал Андреев и еще некоторые из служителей ВСЕХБ. Уговаривали не порывать с ними, но мы стояли твердо и решили вообще не принимать работников ВСЕХБ, за исключением старшего пресвитера по Одесской области — Кващенко, которому еще доверяли. Помню, он привез к нам «Положение» и пояснил: «Братья, здесь написано, чтобы детей не допускать в собрание, но вести их к спасению — наша святая обязанность».

Он много разъяснял нам о падении ВСЕХБ и о том, как далеко он зашел в отступлении.

Кващенко был у нас на празднике Жатвы. Собрание проходило во дворе моего дома, было около 800 человек. В присутствии всех он рассказывал, в каком состоянии сейчас находится ВСЕХБ и сказал такую фразу: «В настоящее время многих старших пресвитеров можно назвать страшными пресвитерами, потому что у них руки нечисты».

На следующий день его вызвали в КГБ и заявили: «Признавайся, кого убивают старшие пресвитера? Чьи руки в крови?»

В 1963 году Кващенко отказался ехать на съезд ВСЕХБ. Его сняли и поставили Кузьменко.

К нашей церкви стали присоединяться члены из городской общины. Соборы были переполнены. Нам по-прежнему угрожали закрыть молитвенный дом.

Служителей пробужденного брат-

ства мы принимали с радостью. Дух Божий касался сердец. Была такая ревность, что почти каждый день верующие собирались на общения, даже ночи проводили в беседах; по несколько раз прочитывали материал «Об очищении и освящении», брошюру «О начатках учения Христова». Все стремились к святости. Благополучие личной жизни никого не волновало. Господь чудно благословлял нас.

Хорошее начало

В 1962 году в Одессе проходил суд над Николаем Павловичем Шевченко (пресвитером Пересыпской церкви) и другими. Съехалось около пяти тысяч верующих. В первый день подсудимых так и не смогли провести сквозь толпу собравшихся и увезли обратно. Сначала никого не впускали в зал суда, потом войти могли те, кто называл фамилию.

На второй день меня и брата задержали в трамвае и повезли тоже на суд, только в другое место. До этого я никогда не имел дело с представителями власти. Спросили: «Какого вероисповедания?» — «Баттист». — «15 суток без всяких разговоров!» «Слава Богу,— думал я,— это хорошее начало».

Поместили нас в камеру. Тогда первый раз в жизни я познакомился с тюрьмой и ничуть об этом не сожалел. С нами сидел моряк, хорошо знакомый со Священным Писанием. Побеседуем мы с кем-нибудь, человек умиляется сердцем, а моряк тут же насмехается. «Расскажи-ка лучше историю с Лотом»,— громко сказал он, явно желая поставить меня в неловкое положение. «В Библии написано: "Не искушай Господа Бога твоего",— ответил я, глядя ему в глаза. Он попытался возразить, но, ко всеобщему удивлению, замычал, как немой, и не мог сказать ни слова, и больше не насмехался.

Нападки ВСЕХБ

В 1962 году в Одессу приехали Андреев, Н. Н. Мельников, Шаповалов, И. Я. Татарченко и другие работники ВСЕХБ. Собрали пресвитеров области в молитвенный дом городской общины. Меня и пресвитера пригласили письменно. Мы решили как представители церкви пойти втроем. Во время беседы Андреев призывал служителей поступать мудро; убеждал, что за беспрекословное повиновение властям Бог будет благословлять; настаивал, чтобы не допускали приезжих проповедников; чтобы в церкви не было шумных оркестров, не нарушали благоговения дети.

Кузьменко продолжил нападки и подчеркнул, что эти нарушения более всего наблюдаются в Усатовской, то есть в нашей, церкви.

— Такого не было,— возразили мы.

— А я знаю, что иногда у вас посторонние ведут служение.

— Служители, возвещающие нам истину Господню и открывающие глаза на действительное положение церкви,— не посторонние для нас!

— Вы преступаете братские инструкции!

— Неужели возвращение полумертвой церкви к жизни можно назвать преступлением? В нашей церкви зачастую одному проповеднику приходится вести собрание два часа.

— В таких случаях пусть брат прочитает Слово Божье, помолитесь — и расходитесь,— советовал Кузьменко.

Поднялся Мельников и, указывая на меня, спросил: «Как твоя фамилия? Какое служение несешь в церкви?» Я ответил. На этом совещание закончилось.

Угрозы уполномоченного

Дня через три брата Кващенко вызвал уполномоченный. В его кабинете он встретился с Мельниковым (от-

цом) и Мельниковым (сыном), которые докладывали уполномоченному о прошедшем совещании.

Через неделю уполномоченный выслал нашей церкви предписание: меня, моего отца и других ревностных братьев — исключить. Страхась, что закроют молитвенный дом, верующие после долгих тяжелых рассуждений оставили меня членом церкви, но вывели из исполнительного органа.

«Если мы не будем отстаивать истину Господню и намерены дальше подчиняться уполномоченному, то придется все равно меня исключить — делайте тогда это сегодня»,— предложил я церкви.

Встала сестра-проповедница: «Что мы делаем, братья и сестры?! Брат ни в чем не согрешил, а мы его исключаем. Зло мы делаем перед Господом!»

Некоторые устыдились, многие заплакали. Церковь отослала уполномоченному протокол членского собрания с окончательным решением: «Выполнить ваше предписание отказываемся».

На вызовы уполномоченного никто не ходил. Через некоторое время он с двумя неизвестными лицами прибыл на богослужение и в ярости кричал: «Не только ваших служителей нужно исключать, но и пресвитера за то, что совершил бракосочетание! Это должен делать Кузьменко! Ваш молитвенный дом все равно закроем!»

Запугать церковь не удалось. Тогда он застучал и закричал еще громче: «Судить вас всех будем!»

Святое решение

Господь благословил святое решение церкви: повиноваться только Ему одному, и прилагал спасаемых. Мы могли назидать не только свою церковь, но посещали и соседние

Степан
Никитович
МИСИРУК
и его
большая
семья.

общины со словом утешения и ободрения. Зачастую ночи напролет проводили в молитве и слезах. Братская простота, сердечность сближали нас. Ободряя других, мы росли духовно сами и понимали, что все это совершает Дух Святой.

Нашу общину посещали служители пробужденного братства, такие как Онищенко, Руденко. Они учили нас проповедовать и отстаивать истину Господню.

Помню, как умилялись сердца наши, слушая проповедь брата Руденко. «Не вешайте свои арфы на вербы,— призывал он. — Пусть струны сердца вашего будут настроены славить Бога при любых обстоятельствах...»

Служение в гонимом братстве

В 1965 году рукоположить служителей в нашей церкви приехали дорогие братья А. А. Шалашов и М. И. Хорев. В течение недели брат Шалашов беседовал с семьями будущих служителей. О троих он был спокоен, а о четвертом засвидетельствовал перед церковью, что сомневается и от рукоположения его воздержится, так как Слово Божье учит воздевать чистые руки без гнева и сомнения. Опасение брата Шалашова подтвердилось: прошло немного времени —

предполагаемый служитель из страха преследований оставил церковь и выехал в другое место.

После рукоположения мне предложили навестить церкви Киевского объединения. Николай Павлович Шевченко и я с великим трепетом посещали общины и старались не пройти ни одной. Это стало известно властям. Начались преследования. Пришлось совершать служение нелегально. Семью посещал редко.

В 1967 году Господь позволил мне участвовать в республиканских и всесоюзных совещаниях Совета церквей. В том же году меня избрали благовестником при Совете церквей. Я никогда не считал себя талантливым служителем и с благоговением старался исполнить порученное Господом и братьями дело.

Господни уроки

Искренне благодарю Господа, что Он позволил мне трудиться с Сергеем Терентьевичем Голевым, Михаилом Ивановичем Хоревым. У них я учился вести назидательные беседы, потому что для меня это было самым тяжелым. Помню, поехал в одну церковь, переживаю: вдруг поручат вести беседу? Всю дорогу молился. Приезжаю — и точно: предлагают тему: «Кто Мне служит, Мне да последует».

Останавливаясь на мысли, как нужно присматриваться к кровавым следам Иисуса Христа и идти по ним от Гефсимании до Голгофы, я призывал каждого исполнить это в своей жизни. Ощущалось явное присутствие Божье. Эта беседа укрепила меня самого.

Окрыленный сознанием того, что у меня уже есть опыт, в другой общине я смелее приступил к беседе на эту же тему и не молился, как в прошлый раз. Беседа, во время которой в первой общине был плач и рыдания, здесь нисколько не затронула сердца слушателей. Я понял свою ошибку.

Как рукоположенному служителю, мне нужно было совершать крещение,— какое это ответственное дело! Самостоятельно нужно определить: возрожденные ли это души, достойны ли стать членами Тела Христова? Чтобы проникнуть в дух человека, нужно иметь помазание Духа Святого. Посоветоваться было не с кем. Вот тут-то я трепетал!

В одной из церквей подготовили к крещению 18 человек. Пятеро наружились сразу, их отстранили. По дороге к месту крещения тревога меня не оставляла. В беседе с одним из крещаемых я уловил еретические нотки. Оказалось, что он иеговист и пытался проникнуть в церковь с явно недоброй целью. Выяснилось также, что одна из крещаемых впала в ересь,— и ее отстранили.

Я был очень благодарен Богу, что мне, немощному, Он послал откровение и не допустил возложить руки на чуждых истине Господней людей.

Приходилось проповедовать и среди неверующих. Однажды с большим трудом — сквозь снежные заносы — к ночи мы еле пробрались к селу. Сестра-старушка тут же пошла звать людей на богослужение. Собралось около 50

неверующих. Господь благословил слово свидетельства и вознаградил сестру за усердие: покаялась ее дочь и еще семь человек.

Жена не препятствовала мне совершать служение, но иногда сетовала, что редко бываю дома. Несколько раз я брал ее с собой. Увидев крайнюю нужду в тружениках и жажду, с которой грешники слушают Слово Господне, она сказала: «Никогда не буду больше огорчать тебя ропотом».

На богослужении в одной общине на призыв к покаянию никто не откликнулся. Тогда служитель обратился к студентке, присланной специально для наблюдения за верующими: «Вам нужно выходить вперед и каяться». Девушка оглянулась, думая, что зовут кого-то другого. «Я к вам обращаюсь,— повторил служитель,— вас Господь зовет».

Я удивился дерзновению служителя.

«Проходите, проходите, опускайтесь на колени, молитесь»,— приглашал проповедник.

Девушка робко прошла: «Я не умею молиться...»

«Так и скажите Богу».

Студентка склонилась на колени: «Господи, я — грешница, не умею молиться».

И тут в слезах стал каяться юноша, за ним — еще несколько человек. После их молитв студентка помолилась вторично и сокрушалась так, как может сокрушаться только тот, кого коснулся Дух Святой. Она стала христианкой и до сих пор верна Господу. Позднее через нее обратились к Богу еще две студентки.

Божья защита

В Львовской области намечалось братское совещание. Об этом узнали власти. В дом, где мы находились, пришли с проверкой паспортного

режима. Мы в то время молились. Хозяйка тут же подала домовую книгу. Они проверили и ушли. Нас проводили в другой дом. Опомнившись, что не осмотрели комнаты, сотрудники милиции вернулись, а нас уже не было. Господь видимым образом явил Свою защиту.

На меня был объявлен всесоюзный розыск. Приехал я на праздник Жатвы в Симферопольскую церковь. Кто-то донес об этом. Во время богослужения сотрудники милиции прошли вперед, осмотрели всех. Взяли сидящих рядом со мной четверых братьев. У калитки поставили дежурного. В милиции у них проверили документы и отпустили: «Нам нужен Мисирук». А я тем временем ушел.

Таких случаев, когда Господь чудно укрывал и меня, и дорогих служителей Совета церковью, я пережил много.

В зарегистрированной общине Львовской области мы три дня вели благословенные беседы. Служитель принял нас радушно. Потом задал вопрос:

— Не знаете ли, братья, по какой причине молодежь в последнее время восстает на стариков?

— А почему Давид «восстал» на Саула? — Ответил я вопросом на вопрос.

— Нет! Это Саул восстал на Давида.

— Брат, не думаешь ли, что и в настоящее время происходит то же?

Наутро старец слег так, что не мог прийти на собрание и передал, чтобы мы навестили его. Мы с братом в сопровождении верующих пришли и хотели поприветствовать его.

«Нет,— отстранился он,— я не могу вас приветствовать. Мне нужно узнать ваши фамилии,— для этого я призвал вас. Запишите на бумажке, я отнесу уполномоченному».

«Брат, нам не страшно написать фамилии. Можете нести. Только знаете, что эта бумажка послужит вам препятствием для входа в Царство Божье».

Все ужаснулись такому состоянию служителя. Мы ушли. Верующие все же взяли у старца записку и, догнав нас, с радостью сообщили: «Мы ее порвали».

С 1966 по 1969 год большинство служителей Совета церковью находились в узах. Нужда в тружениках была великой, а мы — молодые, неопытные, но, уповая на Господа, принимали всю тяжесть служения на себя, трудились по силам, а иногда и сверх сил.

Четыре года я совершал служение в нелегальных условиях, испытал узы, но должен откровенно сказать, что они легче, чем служение в конспирации. Особенно трудно было переносить укоры и недопонимание верующих, когда других служителей арестовывали, а я оставался на свободе. В слабости я даже молился: «Господи, почему меня не берут?»

В нашей церкви арестовали всех служителей. Мне опасно было появляться. Но там ожидали крещаемые,— и я рискнул. Не успел переступить порог своего дома как тут же приехала милиция. Говорю жене: «Готовь вещи, сейчас меня увезут». Произошла заминка: я вышел во двор, моя одиннадцатилетняя дочь тут же захлопнула дверь. Милиция осталась в доме, а я ушел. Господь хранил меня еще восемь месяцев на служении.

Первый арест

20 мая 1969 года по дороге из г. Ровно в Здолбунов меня арестовали. «Не совсем похож»,— сказал задержавший меня сотрудник в штатском. «Я тот, кого вы ищете»,— уточнил я.

Закрыли меня в отделении милиции. Я понимал, что этот арест — не для административного наказания. Вспомнил советы братьев-узников и сразу проверил содержимое карманов, извлек фотографии, адреса, но не знал куда деть: бросить в урну — найдут, оставить при себе — не хотелось подвергать друзей опасности. В углу стоял сейф. Сдвинуть его с места могли бы только человек шесть. Я протолкнул адреса в щель между стеной и сейфом, и тут за мной пришли. Привезли в здание КГБ, и в течение дня человек тридцать приходили и уходили — знакомились со мной. Вечером сказали: «Если дашь расписку, что явись в Одесскую прокуратуру, то отпустим». Я отказался. «В таком случае будешь здесь ночевать».

Заводили меня в КГБ по коридорам, усталанным ковровыми дорожками, а выводили через черный ход. Обыскали, отняли ремень, шнурки. За день я очень устал. Помолвившись, я тут же уснул на полу камеры. Надзиратель удивлялся: «Преступники в первую ночь буйствуют, пытаются даже жизни себя лишиться, а ты всю ночь проспал».

На душе было радостно. Вспоминная Апостола Павла и Силу, я пел в камере от души.

В Ровенской тюрьме я встретился с убийцами, которых ожидала высшая мера наказания. Сердце мое расположилось засвидетельствовать им о Господе. Один из них сокрушался: «Если бы мне довелось весь срок отбывать с вами!..»

Через восемь дней отправили в Одессу. Там, по ошибке или специально, меня поместили в камеру с осужденными на «крытый режим» (это как тюрьма в тюрьме: осужденных на работу никуда не выводят, а просто переводят из жилой камеры в рабочую). Но через некоторое вре-

мя перевели меня в другую камеру.

Вызвали на беседу с сотрудником госбезопасности. Он подает руку:

— Хочу с вами поговорить...

— Мне не о чем с вами говорить,— ответил я, не подав руки.

— Тогда слушай, что я буду говорить: если согласишься на сотрудничество, не будем судить, предоставим квартиру в другом городе; никто знать не будет о наших связях.

— Иуда предал Христа — и повесился. Я не хочу такой участи.

Сотрудник рассвирепел, выгнал меня. «Мы еще с тобой встретимся!» — крикнул вслед.

Прихожу в камеру — мне вручают передачу! Господь побудил сердце жены, и она разыскала меня не раньше не позже, а именно в тот день, когда я прибыл.

В первые дни тюрьма показалась мне сносной. Может быть, потому что я готовился к большим трудностям.

Через неделю тот же сотрудник госбезопасности посетил меня снова.

— Ты не желаешь с нами разговаривать, а вот Апостол Павел разговаривал с начальниками и властями. Не будем касаться вопросов веры, помоги хотя бы в перевоспитании преступников. Они открывают тебе душу. Постарайся нам сообщать обо всем, чтобы вместе бороться со злом.

— Ни о ком я докладывать вам не буду.

— Тогда не выйдешь отсюда, сгниешь! — пообещал он.

— Плоть моя сгниет, но дух будет жить во веки с Богом. Какова же будет ваша участь?

Перед судом этот товарищ пришел еще раз, но, как и прежде, говорил только он, а я за три часа не пророчил ни слова.

В камере каждый день молился

на коленях прямо на нарах. Однажды только помолился — открывается «кормушка»* и надзиратель спрашивает: «Какого ты вероисповедания?» Ответил. «Ты знаешь песню "Дочь Самарии не знала..."? В детстве я играл ее на гармошке,— моя мать была верующая. Сейчас хочется сыграть, но я не помню слов».

К сожалению, и я не знал этого гимна, но пообещал достать слова.

Суд

В основном меня обвиняли в нарушении Законодательства о религиозных культах, а также в том, что я якобы избил капитана милиции. Но подобного обвинения никто не мог доказать, и тогда прокурор решил помочь капитану.

— Вы на предварительном следствии говорили о телесных повреждениях.

— Помню, помню. У меня было поцарапано ухо.

— Кто это сделал?

— Не помню.

— А в заключение судебно-медицинской экспертизы сказано: «Нанесение побоев в области живота, правой и левой ноги...»

Капитан молчал.

За дачу ложных показаний суд приговорил капитана милиции и еще двух свидетелей к административному взысканию, а из моего дела эту статью исключили как несущественную. Но в принципе ничего не изменилось: одну статью убрали — и тут же включили другую.

Один лжесвидетель говорил: «Во время крещения из воды поднялся большой крест. Мисирук зашел в воду и стал его поддерживать». Как только я отверг это как чистый вымысел,— сразу объявили перерыв. И так было каждый раз, когда об-

наруживалась лживость показаний.

Судья не знала, как вести процесс, то и дело выходила и званивалась с сотрудниками КГБ. Свидетелем этих разговоров была уборщица, член зарегистрированной общины. Она поняла, что меня судят не за преступление, а за то, что я — христианин, и вскоре перешла в нашу общину.

Суд шел семь дней. Во время чтения приговора из зала вывели девятилетнего сына. Он закричал: «А брата зачем оставляете?» — и указал под скамейку, где спрятался второй мой сын. Когда его выводили, он оглянулся и крикнул: «Папа, будь бодрым!» Эти слова я помнил весь срок.

Зачитали приговор: 4 года лагерей и 5 лет ссылки. Сестра-гость вынула из сумки букет цветов и бросила мне. Я поймал. Конвоир отнимать не стал.

После суда работал стекольщиком: вставлял стекла в комнате дежурного по тюрьме. В это время прибыл наряд милиции, который охранял меня на суде. Подают руку и говорят: «Таких судов, как у тебя, мы еще не видели!»

«Почему ты не отнял у меня тогда цветы?» — поинтересовался я. Он махнул рукой: «Ты знаешь, я не мог вытерпеть эту "аварию"...»

В тюрьме я встретился с одесским служителем — Павлом Андреевичем Куприяновым.

Перед этапом меня посетил старый знакомый из КГБ: «Вас хотели отправить далеко. Я посодействовал, чтобы этапировали в Вилково, здесь ближе жене посещать. Теперь вы со своей стороны должны написать письмо, чтобы Усатовская церковь зарегистрировалась...»

«Не писал и писать не буду! С вами у меня разговоров никаких не может быть». Он тут же ушел.

И, действительно, меня этапом направили в Вилково.

В лагере

По прибытии в лагерь, при распределении в отряд, зачитали мою характеристику: «Вел себя плохо, сам не работал и других агитировал не работать». Я, конечно, засмеялся: «Такого быть не может! У меня есть квитанции: нам по 2 руб. 50 коп. платили в месяц».

Заключенные приняли меня хорошо, начальство — агрессивно.

23 февраля 1970 года в зоне был пожар: сгорела столовая и рабочие цеха. До конца зимы мы обедали на улице. Наступил день Пасхи, я впервые праздновал его в тех условиях. Сел с заключенными за стол во дворе. Задумался, вспомнил, как радостно отмечают этот день друзья на свободе. Не мог взять ничего в рот, к горлу подступил ком. Все шумят. Думаю: скроюсь от людей, хоть немножко изолю душу наедине с Господом. Нашел укромное местечко, склонился, молюсь со слезами. Вдруг подходят двое заключенных: «Ты чего плачешь? Обидели? Мы отомстим!» — «Нет, вспомнил друзей...» — успокоил я их, а самому так жаль было, что превали мое общение с Господом.

Евангелие у меня было, прятал я его в рабочей зоне, поскольку в жилой проходили постоянные обыски. Давал читать другим. Один из заключенных попытался пронести Евангелие в жилую зону, но при обыске его обнаружили. Книгу отобрали, а его увели в ШИЗО*. Там он написал объяснительную, о чем беседовал со мной. (Этот человек желал принять крещение, я отказался его крестить.)

Через неделю работник оперчасти, испытывающе глядя на меня, спросил:

— Евангелие есть у тебя?

— Нет.

— А это чье? — вынул он книжечку из кармана.

— Мое! — протянул я руки.

— Ты сказал "нет", а сейчас говоришь "мое"? Ты не исправился! Подумай, что тебя дальше ожидает.

— Ничего страшного меня не ожидает. А вот вас что ожидает?

Он замолчал, а потом спокойно спросил:

— Библия есть?

— Нет, но очень хочу иметь.

— Ну ладно, иди.

Осудили меня на десять суток ШИЗО.

Через два года перевели меня в лагерь в Херсонскую область. Встретился с братьями по вере и отбывал заключение я там до конца срока. Начальство относилось лучше, заключенные — хуже.

Этапом в ссылку

К месту ссылки взяли этапом. Он был тяжел. Пережил много трудностей.

В «стольпинском» вагоне на четыре дня пути (в купе разместили 23 человека) дали на каждого четыре булки хлеба, 600 гр. сахара.

Везли из Харькова в Свердловск без пересадки. Очень тяжелая эта пересыльная тюрьма. Выдали после бани матрацы, наполненные трухой вместо ваты. В камере — человек 200, и еще 60 втиснули: кто в карты играет, кто курит, кто наколки делает. Надзиратели не могут навести никакого порядка. Человек 40 увезли на этап, мы разместились под нарами на цементном полу. За три дня хоть немного полежали, расправившись.

Четверо суток до Красноярска ехали медленно, много стояли. Красноярская тюрьма деревянная, в ней много клопов,— переносить их трудно. Спали на железных нарах. Поле-

* Окошко в двери камеры для раздачи пищи заключенным.

* ШИЗО — штрафной изолятор.

жишь минут 15 — угольники врезают-ся в спину, нужно переворачиваться.

Затем — Иркутск. И здесь насекомых — хоть отбавляй. Одно облегчение — сплошные деревянные нары, есть где прилечь.

Отправляя из Иркутска, надели мне наручники и самолетом — в Якутскую тюрьму. Дежурный, ознакомившись с делом, принял грозный вид: «Пойдешь в карцер! А пока помой пол!» И дал швабру. Но это было только начало трудностей. Меня не поставили на довольствие, не дали ни ложки, ни кружки; не определили ни в какую камеру и 18 дней я просидел в «привратке». По поводу всех этих беззаконий я писал много заявлений начальству.

Однажды приходит врач: «Какие жалобы?» — «Смотрите, сколько вшей, и не хотят вести в баню...» Врач распорядился, — меня сводили в баню. И снова — в «привратку». «Не пойду», — отказался я. Отправили на второй этаж в камеру смертников. Но я был очень доволен; комната светлая, свободная, можно спокойно помолиться. Стол прибит железной полосой; вокруг — скамейки, они служат и кроватями. Первое впечатление, что это гроб с крышкой. На полу и на стенах надписи: «прощай, жена», «прощай, семья». Помолился, поблагодарил Бога, что есть где отдохнуть. Прошло три дня. Вспомнят — покормят, не вспомнят — сижу голодный. Дежурный спросил: «За что попал сюда?» — «Я верующий».

На четвертый день — новая смена, и опять: «Почему ты здесь?» — «Иду в ссылку, я верующий». Надзиратель приоткрыл «кормушку», оглянулся: «Откуда ты?» — «С Украины». Ушел. Среди ночи открыл дверь, зовет: «Подойти сюда». И стал рассказывать: «Я из Ровенской области, у меня мать верующая. Здесь служил в армии и остался ра-

ботать, вот уже 20-й год. Ты едешь в ссылку?» — «Да». — «Здесь верующих нет, в поселке Морха должны быть, разыщи, если оставят».

Чувствуя расположение, я передал жалобу: «Почему меня не ставят на довольствие? На каком основании поселили в камеру смертников? Когда отправят в ссылку? Если не ответите, поступлю как подсказывает совесть. За последствия отвечаете вы».

Наутро приходит начальник по режиму: «Почему вы здесь?» Я ответил.

— Кто поселил в эту камеру?

— На этот вопрос вы мне должны ответить.

— Вы едете дополнительную меру наказания отбывать? Здесь какое-то недоразумение...

— Почему меня 18 дней даже на прогулку не выводят?

— Уточню.

— Когда отправят на этап?

— Все-все уточню, а пока идите на прогулку.

Сразу покормили, четыре часа был на свежем воздухе. Возвращаюсь в камеру — лежит ложка, кружка, на «гробе» застлана постель. Сверху — книга. Обрадовался, что за все время хоть немного отдохну по-человечески. Помолился и лег. Не знаю, сколько проспал. Будят: «Собирайся на этап».

В аэропорт сопровождали уже сотрудники милиции. Закрыли одного. Собралась портовая милиция посмотреть на баптиста. И с ходу:

— Как тебе не стыдно! Ты калечишь жизнь своим детям!

— Дети не знающие Бога больше покалечены, чем мои.

— Прекрати! Вздумал нам проповедовать! У нас уже были такие, как ты! Миняков сюда приезжал, хотел проповедовать, не дали. Он перед самолетом отрясал прах от ног! Вину на нас всю взвалил. И тебя отправим, где был!

— Это дело ваше. Поступайте, как найдете нужным.

Посадили в самолет без наручников. Справа и слева — по милиционеру. Слышу объявляют: самолет отправляется на Батагай. «Везут, наверное, на край света» — подумал я.

Когда меня увозили из Херсона, начальник конвоя и замполит сказали жене: «Не оставляйте мужа, куда бы его ни отправили...» — «Хоть на край света поеду», — ответила жена.

Батагай

Самолет приземлился. Холодно, хотя было лето. Погода дождливая. Смотрю: цветочек растет. Ободрился. Думаю: если есть цветок, есть и жизнь!

Приехал за мной начальник милиции на собственной машине.

Прочитал мое дело, удивился. «Посмотри, за что человек приехал в ссылку отбывать! Я в своей жизни еще не встречал такого, — обратился он к другому сотруднику. — Не могу представить, чтобы за веру в Бога отправлять человека в такую даль!» Капитан Линов взглянул на меня, улыбнулся:

— Деньги есть?

— Нет.

— Как же жить будешь?

— Жена вышлет.

— Сколько вышлет?

— Рублей 150.

— Дай адрес.

Я продиктовал. Он подает пять рублей: «Иди в столовую поешь».

Первый раз после четырех лет неволи я вышел на улицу без надзора. Чужая сторона... Тоскливо. Небритый, грязный. Спросил, где столовая. Иду, оглядываюсь: нет ли кого за мной? Поел, вернулся. Линов подает квитанцию: «Сообщил жене, чтобы деньги телеграфом выслала. Я позвонил на все предприятия, где тебе можно устроиться на работу.

Мест нет. У тебя назначение — поселить ближе к морю Лаптевых, но сейчас нелетная погода. Если найдешь здесь работу, останешься в Батагае. А сейчас иди в райисполком, скажи, чтобы от моего имени дали 30 рублей».

Мне выдали только 15 рублей. Кассир-якутка спросила:

— Откуда прибыли?

— С Украины.

— У меня муж украинец. Где будете работать?

— Здесь работы нет...

— На руднике, где добывают олово, требуется печник в контору.

Сказал об этом начальнику. Он туда, оказывается, уже звонил. При мне позвонил повторно: «Здесь есть хороший человек, такого, может быть, вы в жизни еще не встречали...»

«Иди» — сказал он мне. — Устроись, — попросишь общежитие. Если мест в общежитии нет — приходи, будешь спать в этом кабинете на диване».

На руднике пояснили: «Оформить не можем, а работу дадим. Сложи печь участковому». Я разобрал старую и в течение двух дней сделал новую. Поштукатурил, затопил — горит и греет! Докладываю: «Сделал». Удивились, что быстро.

Первое воскресенье в ссылке я провел на горе. Молился, можно сказать, через каждый шаг, у каждого куста. Помолюсь, иду дальше, опять помолюсь. Здесь я имел общение с Господом, как никогда раньше. Просил у Него благословения, чтобы не напрасно прошло время ссылки.

Я не хорист, но в этот день пел Господу от сердца. Часов у меня не было, а по солнцу я не мог определить, сколько времени. Летом оно там не заходит. «Где ты так долго гулял?» — спросили в общежитии. Оказывается, был второй час ночи. Есть

мне не хотелось, я наслаждался общением с Господом. В письме домой написал: «Здесь я впервые в жизни почувствовал, что значит иметь непосредственное общение с Богом!». До сих пор я с радостью вспоминаю эти светлые часы.

Оформили меня на работу по ремонту квартир. Получаю телеграмму от жены: «Встречай, выезжаю!» Слава Богу!

Дали мне для жительства развальный домик. К приезду семьи я успел его оштукатурить. Забеспокоился: на чем будем спать? Едут: племянница, пять детей и жена. Пошел искать кровати. Нашел, стал заносить в дом — кровать застряла в двери. В этот момент входит жена. Так и встретил дорогую семью...

После долгой разлуки мы благодарили Господа и радовались. Жена привезла Евангелие, Библию и другую духовную литературу. Проводили семейные собрания, все участвовали в служении.

Тяжелый отпуск

Прошло полтора года. Мы уже привыкли к тем условиям, настроились жить пять лет. И тут получаю две телеграммы, заверенные врачом: отец при смерти. Попросил я отпуск и поехал в Одессу на десять дней. Только вошел во двор — идет за мной незнакомый: «Тебя вызывают в сельсовет». Там меня ожидал молодой человек в гражданской одежде. Поговорили немного, ушел. Вызывают второй раз: «Здесь негде говорить. Пойдемте в машину». Сел. Машина моментально тронулась. Подъезжаем к одесскому рынку, на «Привоз». Ведет в отделение милиции в подвал. Заперто. «О! Я забыл ключ! Давай пройдемся». Пошли. Неожиданно подходит другой товарищ. Здоровается с ним. «Ты беседуешь со Степаном Никитови-

чем? — подает руку мне. Как здоровые отца?» — интересуется как ближайший родственник. И тут первый товарищ исчезает, а этот приглашает: «Хочу с вами поговорить». Подошли к зданию КГБ. Ведет на третий этаж. Смотрю — сидит тот, который вез меня в машине. Как ни в чем не бывало помогает снять пальто, вешает его, пододвигает кресло:

— Садитесь, пожалуйста. Степан Никитович, посодействуйте регистрации Усатовской общины... (Пересыпская церковь в то время была зарегистрирована.)

— Ничем не могу помочь, я отбываю ссылку в Якутии...

— Мы продлим отпуск, можем сделать так, что вы в ссылку больше не поедете...

— Ничем не могу вам помочь,— повторил я.

— Да, кстати! Вы отбыли год ссылки, вам положен настоящий отпуск!

— Мне такой отпуск не дадут.

— Нужно посодействовать, чтобы ему дали отпуск,— обратился майор к первому товарищу.

— Если он в чем-то нам посодействует, то мы не останемся в долгу... Посодействуешь? — и смотрит испытывающе.

— Нет.

— Ну хотя бы пообещай.

— Нет.

— Почему?

— Потому что написано: «не обещай» (Еккл. 5, 4).

— А сделай... — моментально добавил он.

Все засмеялись.

— Ничего я не буду для вас делать,— повторил я, уходя.

Необычное посещение

Кончился отпуск, вернулся я в Якутию, и тут неожиданно в гости приехал один из служителей (член Совета церковью, но в то время выведен-

ный из его состава, о чем я не знал). «Надолго?» — обрадовался я. «На несколько дней...»

Пользуясь случаем, совершили хлебопреломление. С нами был зять Гриша и старшая дочь. В этот момент впервые за все время ссылки пришли с проверкой паспортного режима.

После вечера Господней брат начал издавать: «Когда мы сидели в тюрьме, ты очень хорошо вел дело Божье, церкви стояли. А сейчас раздор, несогласие среди братьев...»

Изолированный от народа Божьего, я не знал о многом, происходящем в братстве. Не знал, что не устоявшие в суровых испытаниях служители под давлением извне стали усиленно проводить разрушительную работу среди общин братства, склоняли их к пагубной регистрации на условиях исполнения печально-известного законодательства о религиозных культах. Они стремились увлечь за собой как можно больше служителей. С этой целью и предпринимались поездки даже в самые отдаленные места. Не обошли стороной и меня. От этого служителя я узнал, что ими проведено уже два тайных общения. Дух мой не мог согласиться с услышанным и я открыто возмутился: «Как вы могли без Совета церковью проводить совещания?» И еще многое высказал ему. Он понял мое настроение и сразу заявил: «Утром я уезжаю...» — «Вы же сказали, что побудете несколько дней!» — «Я передумал...» И уехал. Конечно, я был не первый и не последний, кого посещали с подобными вестями отступившие служители. Но благодарение Богу, Его народ не поддавался искушению, не отступил назад и остался верным на узком пути.

Неожиданное освобождение

На второй день после отъезда этого брата пришла повестка в суд. «В чем дело? — недоумевал

я. — Наверное, перешлют к морю Лаптевых...»

Утром отправился в суд с племянницей и женой. Там объявляют: «Будет слушаться дело по условно-досрочному освобождению С. Н. Мисирюка...» Я не мог ничего понять. Слушал в растерянности, как председательствующий расхваливал меня — такого никогда не было.

— Куда вы поедете? — спрашивают.

— Ничего не знаю, не могу сказать.

— Вы не знали, что вас будут освобождать?

— Нет, конечно!

— Вы свободны и можете ехать куда хотите!

Именно в этот момент мне почему-то вспомнились слова, которые я сказал в одесском КГБ: «Не обещай...», а они дополнили: «А лучше сделай». На меня напал страх. Думаю: они все же ухватились за это неосторожное слово и теперь «посодействовали» освобождению. Теперь будут надеяться, что я, в знак благодарности, зарегистрирую общину. Очень я переживал. Говорю жене: «Ты рассчитывайся, а я из Якутии ни выписываться, ни рассчитывать не буду. Возьму только отпуск за этот год и поеду узнаю в чем дело».

Остановился проездом в Москве. Встретился с братьями. Узнал, что уже около 40 братьев и сестер к тому времени освободили. От сердца отлегло.

На второй день по приезду в Одессу сразу вызвали в КГБ.

— Мы ожидали, что ты сам придешь поблагодарить...

— За что?

— За то, что ты дома...

— Суд оправдал меня за хорошую работу и освободил...

— Но не без нашего ведома, запомни!

— Не знаю...

— Ну хорошо, как все-таки ты смотришь на регистрацию своей общины?

— Что мне смотреть? Из Якутии я не выписался, может быть, завтра отправите туда же.

— Какое твое личное отношение к регистрации?

— Я против регистрации на условиях действующего законодательства.

— Ты что, опять против советской власти?! — ударил сотрудник КГБ кулаком по столу. — Пеняй на себя!

Беседа закончилась.

После этого я лег в больницу на операцию, выслал в Якутию больничный лист и попросил, чтобы выписали.

Дома, в Одессе, меня не прописывали к семье. Пришлось по совету братьев поменять местожительство: переехал в Молдавию.

Вызывали в КГБ еще раз, я не пошел.

С первых дней пребывания на свободе я настроил себя, что завтра могу быть арестованным вновь. Меня совершенно не смущали преследования за веру — я воспринимал это как неизбежность, так нам суждено (Фил. 1, 29). В штатском ли встретятся люди, в мундире ли — я спокойно совершал служение.

И снова — КГБ

Присмотрел дом в Бельцах, и тут вызывает уполномоченный. Пошел я к нему не один, пригласил сестру. Открываю дверь, а там — представитель КГБ.

— Заходите, заходите!

— Я не к вам.

— Уполномоченный поручил мне вас принять. — И тут же звонит неизвестно кому: «Выполняю вашу просьбу...»

— Ай-яй-яй! Что же вы наделали?! — начал он, имея в виду совеща-

ние Совета церковей в Кишиневе, которое представители власти не дали провести и где присутствовал я. — Вы знаете, что теперь уже не надо ожидать суда, прокурор распишетя — и вы поедете опять в Якутию! Помогите в регистрации Усатовской общины, иначе придется расстаться со свободой...

— Чем быстрее, тем лучше! Снимайте груз с плеч. Я сегодня готов поехать на прежнее место ссылки.

Сотрудник КГБ посмотрел на меня и продолжил: «Уполномоченному, когда он вас посетил, вы заявили, что у верующих должен быть духовный центр. Вот вам Библия. Если вы не найдете здесь основания для существования духовного центра, то понесете ответственность. В Библии такого нет, я читал».

Не раскрывая Библии, я ответил: «Вы не нашли? Значит плохо читали. Когда в первоапостольской церкви возникали трудности, то Апостолы собирались и сообща все разрешали, — вот вам и центр! Духовные центры должны быть!»

«Если вы будете препятствовать регистрации Усатовской общины — пеняйте на себя!»

Скорбное расставание

Я уже говорил, что пока находился в тюрьме, а затем в ссылке, в братстве появились люди, восставшие против верного Божьего пути. Мне никто об этом не писал, конкретно я ничего не знал. Когда освободился, меня посетил Михаил Иванович Хорев. Я спросил его об этих людях. Он ответил: «Брат, осмотришь и разберешься».

Решил я посетить некоторых некогда близких друзей. Встретился с одним из них. Он принял меня, можно сказать, очень любезно. У него гостил как раз благовестник из Орджоникидзе, а в церкви планиро-

валось провести молодежное общение. Мне предложили провести его. «Прежде всего я хочу с тобой побеседовать», — отказался я. Мы пошли на второй этаж его дома, жена моя осталась внизу.

— Почему ты находишься вне братства?

— Я имею откровения от Господа и не могу быть в единстве с таким братством.

— Какие откровения?

— Первое: я видел сон, как братья Совета церковей, карабкаясь в гору, так и остались внизу, а я поднялся.

Второе: я не спал, сидел в кресле размышлял. Слышу, летит самолет и оттуда доносится скверная информация. И тут какая-то неведомая сила меня берет и поднимает в этот самолет. Там сидят Николай Петрович Храпов и Дмитрий Васильевич Миняков. Я понял, что скверная информация идет от них. Как ты думаешь: могу я трудиться с такими братьями?

— Нужно еще хорошо рассудить: от Господа ли твои откровения?

Он усиленно убеждал, что от Господа.

— Твоим «откровениям» я верить не могу, потому что знаю твои прежние дела.

И напомнил ему конкретные неверные действия. Он жаловался, что с ним поступили несправедливо. Ни к какому согласию мы не пришли. Единственное, о чем я его попросил на прощанье, чтобы о нашей беседе он ничего не говорил моей жене.

Мы сошли вниз. Брат-гость, сейчас он выехал на Запад, сразу подошел ко мне: «Я хочу с вами побеседовать». Не зная его, я спросил брата хозяина: можно ли с ним говорить откровенно. — «Можно».

— Вы только освободились, — с видимым участием сказал брат, — ни в Одессе, ни в Бельцах вам не дадут

жить, будут преследовать. Латвия — страна европейская, я бы советовал вам перебраться в Ригу.

— Как перебраться? В Одессе я еще дом не продал, занял деньги, купил в Бельцах.

— Это все устроится, если только пожелаете. Разве у вас нет детей? Те дома отдайте детям, а здесь купите. Мы поговорим с местным служителем, он знает какие дома здесь продают. Многие верующие выезжают в Германию, можно дешево купить дом. Все будет хорошо, не надо ваши дома продавать.

— Я так не могу поступить!

— Ну смотрите, это мой совет.

После разговора с этим человеком я зашел в комнату, смотрю: брат, которого я только что просил не сообщать ни о чем моей жене, беседует с ней. «Как могли братья так поступить с ним?» — в слезах обратилась ко мне жена. Я взглянул на брата, и мне ничего не оставалось делать, как в присутствии жены указать ему на неверное поведение и конкретно на его «откровения»: «Ты рвешься снова в братство, жалуешься, что тебя не ввели в Совет церковей, а сам поносишь служителей?!»

Тот моментально изменил тон: «Если бы я хотел быть в Совете церковей, то вместо Винса, мог бы стать секретарем, мне предлагали. А неграмотные члены Совета церковей, с трехклассным образованием, ползали бы у моих ног!»

Услышав эти слова, жена закричала: «Что ты говоришь! Что с тобой?!»

«Вот, посмотри, какой он на самом деле!» — подвел я итог.

Отступление от Бога всегда калечит души! Жизнь отступивших становится неузнаваемой, лишенной правды, искренности. Страшно наблюдать эту перемену в людях!

С тяжелым сердцем пошел я на молодежное общение. Перед на-

чалом служения брат, к которому я приехал, представил меня собравшимся: «Это благовестник Совета церковей, мой друг, у нас с ним много общего. Когда я первый раз был в узах, он пробрался ко мне по камышам, в воде простудился, заболел астмой, которая до сих пор его мучит. Но брат ни на что не посмотрел, шел ободрить меня — узника. Он только что освободился из уз. Я прошу, чтобы он провел молодежное общение».

— Для чего ты это сказал? Ты же знаешь, что у нас нет согласия по многим вопросам... — шепнул я ему.

— Не время сейчас говорить о мнениях, я сказал, что ты друг, и все...

— После бесед с тобой я не в состоянии вести служение...

— Ну хорошо, тогда брат Вася проведет.

В заключение общения в присутствии друзей он стал дарить мне коротковолновый радиоприемник.

— Не могу принять.

— Как? Вы пренебрегаете вот этой молодежью? — приемник не от меня!

Многие зашумели: «Это от нас! Возьмите!»

Пришлось взять, щадя молодые души, не знающие глубины отступления своих наставников.

А вечером я выслушал от некогда близких людей горькие укоры: «Что? Боялся взять приемник? Думаешь, тебя Совет церковей исключит? Если боишься — можешь оставить его!»

«Я могу его вернуть только той молодежи, от которой принял...»

Они замолчали.

Так расстался я с этими братьями, и расстался, наверное, навсегда.

Перед вторым арестом

В Бельцах верующих отделенного братства было 11 человек, а зарегистрированная община — самая боль-

шая во всей Молдавии. «Мы поддерживаем вас, приходите и совершайте служение в нашем доме», — приглашали меня. «Нет, я буду надзирать над этим малым стадом, которое доверил мне Бог», — ответил я. «Тогда потеряете авторитет у нас...» Я согласился лучше потерять авторитет у людей, чем у Господа.

После освобождения участвовал в братских совещаниях Совета церковей, на Харьцызском Всесоюзном был, на Харьковском, где меня избрали кандидатом в члены Совета церковей. Теперь мое служение было уже межцерковным, приходилось посещать многие общины.

Поводом для второго ареста послужило опять-таки Одесса, опять уполномоченный. Как только я появился в тех местах, ему доносили, он фиксировал и передавал по месту жительства — в Бельцы.

В феврале 1979 года мы решили провести в Одесском объединении общение с участием бывших узников. Их оказалось 36. Общение провели в помещении Пересыпской церкви, и прошло оно хорошо, несмотря на то что присутствовало около 40 представителей власти. Они пытались прервать служение и требовали: «Прекратите! Здесь собрались одни уголовники! Разойдитесь!»

Некоторые заколебались: «Может быть, действительно не надо вспоминать об узниках?..» Я не должен был остановиться в проповеди, но, видя обстановку, подошел к пресвитеру, Николаю Ерофеевичу Бойко, и сказал: «У меня есть побуждение сказать в этот момент слово». — «Пожалуйста!»

Подняв Библию, я спросил представителей власти:

— Имею ли я право прочитать из этой Книги?

Молчание.

Рукоположение братьев в Кишиневской церкви с участием С. Н. Мисирука.

С. Н. Мисирук на совещании служителей Совета церковей в апреле 1987 года.

Второй раз спрашиваю.
— Это провокационный вопрос! — ответил заместитель уполномоченного.

В третий раз спросил. Уполномоченный наконец сказал: «Пожалуйста, читайте».

«Представитель власти утверждает, что здесь собрались уголовники, а вот Иисуса Христа в тюрьму не сажали,— начал я. — Христа сразу осудили на смертную казнь, и только поэтому Он не сидел в тюрьме. В настоящее время многие наши гонители и судьи глубоко убеждены, что верующих судят не за преступления. Вы ведете борьбу не с нами, а с Богом. Может быть, и сегодня кто-то из нас дополнит число узников. Поэтому Слово Божье говорит, чтобы мы помнили узников и их семьи».

«Братья и сестры! — продолжал я. — Нас называли уголовниками. Прошу встать тех, кто когда-либо был осужден за веру в Бога». Поднялось 36 человек. «Братья и сестры,— обратился я к церкви,— вы считаете нас уголовниками?» — «Нет!»

Представители власти пришли в ярость, подняли шум, а уполномоченный, неожиданно сменив гнев на милость, стал лстить пересыпским верующим: «Вы — жители добросовестные, трудяги, к вам только приезжают некоторые и возмущают...»

За это общение меня оштрафовали на 50 рублей.

Второй причиной для ареста послужило бракосочетание.

Перед моим вторым арестом Бельцкая церковь насчитывала более 50 членов. Служителя, кроме меня, не было. 6 июня 1982 года, в день своего рождения, я решил побыть с семьей и совершить в церкви вечерю.

Служители Совета церковью просили воздержаться от этой поездки, но

я не послушал. Побыл дома, поехал в собрание, и только приступил к совершению вечера — в этот момент на автобусах подъехало человек 20 милиции. «Мы только перепишем всех и уйдем». Переписали и пошли по комнатам. Нашли меня. Я встал.

Степан Никитович не успел совершить вечерю Господню, как был арестован (это был его второй арест). По возвращении друзья вручили ему бережно хранимый три года хлеб, который он держит в руках.

«Садись! Не вставать!» — приказали. Вошли еще четверо. Двое подхватили меня за руки, двое — за ноги и понесли в машину. Не дали даже обуться. Включили сирену и помчали в Бельцкое КПЗ.

Второе странствование по тюрьмам

Началось мое второе странствование по тюрьмам. Прошло три дня — предъявили санкцию на арест. Пере-

вели в Бельцкую тюрьму. Обвинили по украинским статьям 209-й и 138-й.

Недели через две посетили работники госбезопасности из Кишинева: «Степан Никитович! Мы узнали о вашем аресте и решили помочь. Вы не преступник, просто излишне упрямы. Не будь этого — вас можно было бы освободить. Мы помогли некоторым товарищам в Кишиневе... и они на свободе. Направляйте церковь к легализации, и все будет хорошо...»

«Арестовали без вины — отпустите. А если виновен — судите,— ответил я. — Никаких разговоров о легализации у нас не может быть». — На этом расстались.

Через месяц опять посетили работники тех же спецслужб.

— Мы ничего от тебя не требуем, только согласишься переписываться с известным тебе человеком (и называют фамилию брата, уехавшего на жительство в Германию).

— Для чего? — поинтересовался я.

— Ты же с ним, кажется, в хороших отношениях? Нам известно, что ты с ним кое-где бывал. Пиши ему письма, потом вызовешь его сюда, а он, возможно, вызовет тебя.

— Чтобы потом вы меня обвинили в зарубежных связях?

— Этого не может быть! Мы — власть, ты будешь это делать с нашего разрешения.

— Не согласен.

— Ты по-прежнему упрямец! Предлагаем второй вариант: трудись, развезжай, как прежде, но советуй, чтобы верующие не писали властям резких заявлений, жалоб в правительство. Незаметно направляй церковь к регистрации. Поступай осторожно, чтобы тебя не исключили...

Разговор окончился. На сердце было очень тяжело. В этот момент Господь напомнил стих Священного

Писания: «Берегитесь псов, берегитесь злых делателей». Мне стало ясно состояние многих неустоявших служителей, которые то тут, то там высказывались в пользу регистрации общин. Мне хотелось крикнуть: «Братья и сестры! Остерегайтесь лукавых делателей и сами не будьте таковыми!»

Теперь мне стало понятно, почему нужно было выводить из Совета церквей тех, кто сам уходил от узкого пути и других увлекал за собой. Я еще больше убедился, насколько тонко и коварно обольщают работники КГБ. Как легко и незаметно можно стать лукавым делателем! Мне так хотелось предупредить народ Божий, чтобы все были осторожными, осмотрительными и не вступали ни в какие разговоры с небезызвестными сотрудниками. Особенно хотел умолять служителей, чтобы не попали в эти сатанинские сети и не стали лукавыми делателями.

Понятнее мне стала постоянная забота Геннадия Константиновича, как председателя Совета церквей, когда он предупреждал нас хранить сердце от малейшей неверности, которая может привести к гибели. Вспомнил беседы с другими членами СЦ ЕХБ, которые защищали лояльность. В устах мне стали яснее замыслы врага душ человеческих, который постепенно превращает служителей Божьих в своих деятелей, чтобы потом нашими же руками разрушать дело Божье. При мне не было ни Священного Писания, ни ручки, ни карандаша, чтобы написать церкви письмо и предупредить братство остерегаться неверных служителей и не внимать их призывам к незаконной, ведущей к богоотступничеству, регистрации церквей. Поэтому я всю тревогу изливал в молитве перед Богом.

Однажды ко мне приехали представители Бельцкого горисполкома и из Кишинева. Предложили написать письмо родственникам, чтобы принимали участие в выборах. (Они отказались голосовать из-за того, что меня арестовали.) «И правильно делают!» — только и ответил я.

Следствие тянулось девять месяцев. Бельцкая тюрьма по сравнению с другими легче: лучше кормят и режим сносный. Беседовал с заключенными о Боге. Священное Писание, благодарение Богу, мне потом передали.

Сначала вел дело старший следователь прокуратуры г. Бельцы, молдаванин по национальности. Он заявил, что постарается выяснить истину. Спрашивал: «Почему у тебя взяли семь брошюр "Этика поведения христианской молодежи"? Для кого они предназначены?» — «Неплохо было бы, если бы их прочитала вся молодежь». Он посмотрел на меня: «Вы правы...» И стал рассказывать, какой низкий моральный уровень современной молодежи... «Если бы наша молодежь придерживалась таких правил, как у вас, то не было бы столько преступлений...»

Спустя два месяца он отказался вести дело. Взятся Рылюк, но и этот оставил. Оканчивал следствие зампрокурора.

Перед судом снова явились работники КГБ: «Мы приехали побеседовать последний раз. Хотим вам помочь. Если не послушаете, учтите: будет "потолок" и Сибирь!».

— Согласен на второе! — не колеблясь, ответил я.

— Подумай! Михаилу Ивановичу Хореву тоже предлагали — сначала не захотел. Теперь просит, чтобы помогли, готов все осознать, но бесполезно. Если он пойдет во ВСЕХБ и отречется от своих взглядов через газету, тогда, может быть, поможем.

У тебя же есть еще возможность — мы согласны помочь. Подумай.

— Хватит! Вы мне уже «хорошо» помогли, другой помощи я от вас не жду.

— Оставайся со своим упрямством, — на суде не будет ни жены, никого.

— В таком случае судите меня заочно.

— Даем три дня на обдумывание. Если согласишься, то напиши на имя депутата Верховного Совета Волкова (в то время он был председателем КГБ Молдавской ССР) заявление такого содержания: «У меня будет суд, прошу подойти к делу объективно». И все. Мы будем знать, что это твое согласие. Можешь передать заявление начальнику оперчасти. Пусть он позвонит, чтобы мы приехали.

«Заявления такого от меня не ждите!» — решительно ответил я.

Прошло ровно три дня, везут меня в Кишиневскую тюрьму, оставляют в камере. Входит подполковник. Посмотрел вокруг и говорит:

— У нас будет сейчас комиссия. По какой статье обвинялся?

Ответил.

— Когда спросят, скажешь по 206-й.

— Нет, я человек верующий, лгать не буду.

— Я приказываю!

— Вы не можете приказывать лгать.

— Коль такое дело, пошли!

Завел в подвал. Прошло часа три. Вызывают с вещами на этап. Не знаю, действительно ли была комиссия или просто очередная проверка КГБ: соглашусь я на их предложения или нет?

Второй суд

Ночь. Привезли в Бендеры. И наконец — суд.

Жене не сообщили, где будет суд, но предложили встретиться в Тирас-

поле на вокзале. Когда друзья, дети, жена приехали в Тирасполь, представители власти пригласили только жену ехать с ними в «Волге». Она отказалась. «Пусть дети едут с вами, а я — другой машиной следом». Они долго перезванивались и наконец согласились. «Волга» долго кружила по Тирасполю. Убедившись, что никто не увязался, повезли в Бендеры. На суде присутствовало всего восемь человек верующих.

Навязался защитник.

— Вы знакомы с моим делом?

— Немного.

— Как вы собираетесь меня защищать?

— Выгораживать вас не буду...

— Вы читали мое заявление? Там ясно указано: адвокат с атеистическим убеждением мне не нужен. Если есть верующий, понимающий Священное Писание, — пожалуйста.

— Я атеист.

— Тогда разговор окончен...

Верховный Суд приступил к разбору дела. Адвокат удалился. «Я две ночи не спал и к суду не готов...» — заявил я. На просьбу никто не обратил внимание. Попросил вызвать верующих свидетелей.

Суд шел неполный день. Маленький зал заполнили корреспонденты, разместили теле- и киноаппаратуру.

Инспектор милиции давал показания:

— Мисирук говорил что-то против советской власти.

— Конкретно повторите мои слова, — попросил я.

— Я отчетливо не слышал, потому что стоял в стороне.

— Тогда скажите, пожалуйста, где это общение проходило?

— На Цымлянкой, 4.

— В помещении, в палатке или под открытым небом?

Он задумался на мгновение и говорит: «Под открытым небом».

— Граждане судьбы, обратите внимание: свидетель даже не знает, где проходило богослужение.

Лживы были и показания других свидетелей.

— Вам предоставляется последнее слово, — сказал судья.

— Вы обвиняли и клеветали на меня в присутствии юристов, корреспондентов, а правду я должен говорить в пустом зале.

— Надо же ему дать защитительное слово, — вспомнил прокурор.

И от этого я отказался, хотя у меня было что сказать и я готовился.

Вынесли приговор: 3 года строгого режима.

Отправили в Бендерскую тюрьму. Где-то на четвертый день вручили приговор.

Во время обхода прокурор, обвинявший меня на суде, спросил:

— Ну как ты здесь? Не агитируешь?

— Мне нужна Библия, — сказал я.

— Хочешь увеличить срок?

Худшая зона

Только он вышел, меня спецэтапом в «воронке» увезли в самую худшую зону Молдавии. Заключенные ее называли «козлячьей». В основном в ней находились провинившиеся, которые искали защиты у администрации.

Оперчасть зоны встретила меня враждебно. Взглянув в дело, один из них молча взял меня за руку, подвел к ШИЗО и ткнул пальцем в вывеску. На ней было написано: «Здесь содержится нарушители режима и отказчики от работы».

— Читай внимательно, потому что это твое место пребывания на все время.

— Если провинюсь, то будет.

— Мы все поусердствуем, чтобы ты обязательно «провинился».

Направили меня в отряд неиспра-

вимых, у всех были большие сроки. Они удивились, что я с таким небольшим сроком попал к ним.

Зона переполнена. В жилой секции на 80 м² размещалось 86 человек. Даже коридоры забиты. Молился на улице, зачистую на ходу. Спал на третьем ярусе.

На второй день вызывает начальник оперативной части майор Олар:

— Ты думаешь, что сюда приехал на три года?! Мы постараемся, чтобы ты скоро отсюда не вышел.

— Если будет причина,— ответил я.

— Поверь мне,— бил себя в грудь майор,— я уже 25 лет здесь работаю, не одному нашел причину, найду и тебе! Составлю протокол, что занимаешься дезорганизацией молодежи, помогут еще и работники КГБ, и тебе 15 лет обеспечено, а, может быть, и высшая мера наказания!

— Замышляйте, а Бог будет меня хранить.

Через несколько дней заключенный попросил: «Мне скоро освободиться, жена перестала писать письма, а она верующая. Напиши ей, ты сможешь...»

Ничего не подозревая, я написал. Вдруг вызывают в оперчасть. «Ты говорил, причины не найдем,— улыбнулся майор Олар,— уже есть! — Нелегально письма отправляешь? — И зачитал письмо, которое я написал жене зэка. — На первый раз тебе — выговор».

Не прошло и недели — опять в оперчасть. «Еще причина! — злорадно заявили. — К нам попали деньги, которые единовверцы передают тебе. Предупреждаем: еще малейшее нарушение — применим самые строгие меры!»

— Буду жаловаться.

— Пиши, пиши! Все будет в наших руках!

Я передал жалобу жене. Она направила дальше. На администрацию

лагеря пошли телеграммы от Совета родственников узников, от многих церквей.

Забеспокоились. Приезжали из Управления, несколько раз из КГБ и требовали: «Напиши, что не имеешь никаких претензий к нам...» Я отказался.

Приехал республиканский прокурор по надзору, собралось человек 30 офицеров. Начальник колонии, указывая на меня, насмехался:

— Посмотрите на нашего христианина! Так кто тебя здесь притесняет?

— Лично вам я написал, но вы не обратили внимание, поэтому я вынужден жаловаться дальше.

— Послушайте, какие длинные телеграммы присылают этому христианину! И каждая в шесть инстанций! Но мы все равно тебя за малейшее будем наказывать!

Слушая текст телеграммы, я невольно улыбнулся.

— Он еще улыбается! — вспыхнул начальник. — Откуда мне еще ждать телеграммы? Из Организации Объединенных наций?

— Может быть, и оттуда доведется...

Каждый считал своим долгом ругать меня, и дежурный по колонии решил вставить свое слово: «Товарищ полковник! У Мисирука рубаха, хотя и черная, но гражданская. Это же нарушение». Начальник как не слышал. Дежурный не отступал: «У него рубаха не по форме!» — «Да оставь ты эту рубаху!» — отмахнулся начальник.

Офицеры разошлись, остался начальник и прокурор.

— Вы согласны побеседовать со мной в присутствии начальника?

— Мне все равно.

— Ты признаешь себя виновным?

— Нет.

— Это почему же?! Ты же вовлекал несовершеннолетних в секту.

— Согласно закону, мы имеем право воспитывать детей в религиозном духе частным образом.

— Кроме того, на тебя есть подозрение, что ты давал взятку.

— Это что-то новое,— удивился я. — Меня же судили по украинскому Уголовному кодексу, а вы смотрите номера статей по молдавскому.

— Недосмотрел, недосмотрел,— извинился прокурор и предложил подписать заготовленный бланк.

— Не буду подписывать.

— Как не будешь? — вспыхнул он. — Мы столько раз приезжали разбирать жалобу!

— Мне положена Библия,— сказал я.

— Можешь выписать через торговую сеть.

— Мне могут прислать через религиозные организации.

— Только через торговую сеть! — настаивал прокурор.

После этого меня много шантажировали докладными. Свидания прерывали и превращали в сплошные мучения.

Особенно злобствовали майор Олар и начальник режимно-оперативной части.

— Как я хочу посадить тебя, несчастного, к «козлам» в ШИЗО! — сказал он мне однажды.

— Мне кажется, нет человека несчастнее нераскаянного грешника...

— Передо мной дрожат не только заключенные, но и начальство!

Его действительно боялась вся зона, он мог оскорбить кого угодно.

— Это вам удается только потому, что сегодня вы облечены властью. Но к кому вы прибегнете, когда вас лишат ее? Вот тогда вы поймете свое несчастье.

— Ты малограмотный и еще меня учишь! — упрекал он меня.

— Думаю, что неверующий образованный, да еще и облеченный влас-

тью, может сделать больше зла, чем малограмотный...

Месяца через четыре его сняли. На него жалко было смотреть.

Администрация по три—четыре раза в день подсылала заключенных с написанными жалобами, чтобы я передал их на Запад.

«Скажите в оперчасть, что у меня нет никаких связей»,— отсылал я их.

И при освобождении — КГБ

Сотрудники КГБ не оставляли меня в покое и в лагере. Некий Петр Тимофеевич пытался расположить к себе, сначала не вербовал, интересовался: не обижают ли здесь, как кормят, предлагал мед и деньги.

— Вы что, хотите, чтобы меня в ШИЗО посадили? — отказался я.

И только в конце беседы я понял, с какой целью он пришел ко мне.

— Ты не знаешь, для чего приехала дочь Геннадия Константиновича Крючкова в Молдавию?

По моей реакции они хотели узнать: здесь ли скрывается Геннадий Константинович или нет. Если я встревожусь, значит, они будут более тщательно разыскивать его в этих краях. Я не знал, где находится дорогой брат, и сказал: «Он имеет право везде бывать».

— Ты был на нелегальном. Каким транспортом чаще всего передвигаются служители Совета церквей? Наверное, только частным?

— Всяким. Я как-то вошел в автобус, а там — прокурор,— пришлось выйти.

— Ты болел, трудно больному на нелегальном? Где ты лечился?

— У нас есть один Врач...

Сотрудник КГБ рассказал мне, кого из служителей Совета церквей арестовали, кого освободили:

— О Геннадии Константиновиче ничего не слышно. Все о нем забыли. А Иосиф утвердился в своих по-

зициях, издает журнал, открытки...

— Интересно посмотреть...

— Если нужно — покажем. Не хочешь ли, чтобы он посетил тебя?

— У меня осталось всего одно свидание, и я не хочу семью лишиться этой радости.

— Встретиться можно и помимо свидания.

— Пусть приезжает, если ему нужно. Но Иосиф не приехал.

Много писем получал от верующих, особенно из Орджоникидзе и из Мирюлюбовки. Были у меня книги «Существует ли загробная жизнь?», «Мир с Богом», Евангелие Иоанна. Заключенные хранили их от обысков и читали.

За пять дней до освобождения мне снова устроили провокацию. Заключенные перед этим отказались от пищи. Приехали из Управления. Их якобы кто-то сфотографировал.

— Ты уже передал пленку в Вашингтон?

— Какую? Очередная провокация?

Рано утром, я еще не успел одеться, приходит дежурный по колонии и прапорщик и ведут меня в дежурную комнату.

— Дайте хотя одеться и обуться.

— Ничего не надо.

— В чем дело? — остановился я у ШИЗО.

— Нам позвонили, чтобы тебя изолировали.

— Разрешите хотя взять вещи.

— Никаких вещей! — и дверь хлопнулась.

Я понял, что меня отправят в тюрьму, но не знал: для освобождения или для нового срока. Передали кое-какие вещи и привезли в Кишиневскую тюрьму, где меня уже ожидал работник госбезопасности, опекавший меня в лагере.

— Вы думаете устраиваться на производственную работу?

— Если позволят, если нет — уйду на нелегальное.

Присутствующий при разговоре начальник оперчасти, глядя на меня, спросил:

— Как его освободим: с надзором или без?

— Мне безразлично, я привык жить под надзором, под прослушиванием, под подглядыванием.

— Ну, а что шеф скажет? — кивнул он в сторону работника КГБ.

— Давайте освободим без надзора, посмотрим...

Начальник оперчасти тут же ушел. Мы остались один на один с сотрудником КГБ.

— Напоминаю еще раз, что в церквах очень тяжелое положение: Геннадий Константинович болен, на него большой ропот. Иосиф, как я уже говорил, утвердился и действует хорошо. Какого вы о них мнения?

— Если освобожусь — сам разберусь.

— И последнее: когда и где мы встретимся?

— Нигде и никогда я не желаю с вами встречаться.

— А я желаю, — наступал он.

— Вызывайте тогда повесткой.

— Вы же знаете, что верующим повестки мы не присылаем. Я хочу просто узнать, как вы устроились. Кстати, вы не знаете в Тирасполе номер телефона кого-нибудь из верующих?

— Нет.

— А в Кишиневе? В Бельцах?

— Ничего я не знаю.

— Тогда, пожалуйста, мой телефон.

— Для чего?

— Будешь ехать когда-нибудь через Кишинев и сообщишь: мол, жив здоров — и больше ничего.

— Мне не нужен ваш телефон. Я не намерен ни о чем вам сообщать.

Сотрудник КГБ все-таки не отступал и подчеркнул, что свадьбу моей дочери не нарушили только благодаря его заботе и что он постарается, чтобы спокойно прошла и вторая свадьба.

Я молчал.

— Ну, где же мы все-таки встретимся? В вашем дворе — все та же злая собака?

— Не знаю.

— Если я приду, ваша жена меня узнает?

— Думаю, что да.

— Давай тогда встретимся в ресторане или в парке на скамеечке. Ты придешь скажешь, что устроился на работу, и больше мы ни о чем не будем говорить.

— Нет и нет! — категорически заявил я.

— Тогда я буду делать все сам.

Чувствуя, что меня на второй срок не оставляют, я успокоился. В девять утра меня поторопили на

выход. «Сводите хотя в баню, я же небритый».

— Быстрей! Быстрей!

Ничего не пойму. Выдают заработанные деньги, паспорт — и за ворота.

Оказывается, жена получила телеграмму, которую отправил прапорщик по моей просьбе, и с 12 ночи с друзьями ожидала у Кишиневской тюрьмы. Зная, что многих родственников узников обманывают, друзья подъехали и к Тираспольской и Бендерской тюрьмам.

На крыльце меня встретили друзья с цветами. Мы помолились, сфотографировались. За нами наблюдали: «Уходите скорее отсюда, чтобы не было неприятностей», — приказали.

Вернувшись к семье, успел я прописаться — вызвали в уголовный розыск. Я не пошел. Присылали повестки, — не являлся. И снова вынужден был совершать служение в нелегальных условиях. Так я вышел на свободу, как на свидание.

С. Н. Мисирук среди членов Бельцкой церкви.

Дорожите временем

(Письмо из уз)

Мир вам, дорогие друзья! Приветствуя всех вас любовью нашего Спасителя, хочу пожелать всем обильных Божьих благословений, крепко утвердиться духом во внутреннем человеке. Утешаюсь надеждой, что еще немного и очень немного и мы встретимся с Другом, Которого так жаждет видеть душа наша.

Мне так хочется вместе с вами спеть: «Гряди, мой Спаситель, отрада очей...». Настанет час, когда сбросив все земное, мы будем созерцать красоту Его и вечно петь новую песнь: «Достоин Ты принять славу честь и поклонение, потому что Кровью Своей Ты искупил нас». В ожидании этого славного часа будем бодрствовать, чтобы тьма не объяла нас.

Смотрю я на житейское море, как оно волнуется, шумит, и это все напоминает мне: близко время, Спаситель наш уже при дверях. Он сказал: «Когда же начнет это сбываться, тогда восклонитесь и поднимите головы ваши...» (Лук. 21, 28). То есть не опускайте в унынии взора, а посмотрите вверх, и вы увидите, что избавление наше приближается.

Возлюбленные Господом друзья! Проверим себя: склонены

ли наши головы к земле или взор наш устремлен к небесам? Если наш взгляд сосредоточен лишь на преходящем и нам не хватает времени и сил держать голову восклоненной, то скажем Господу сейчас: «Будь милостив ко мне, грешнику. Прости за все упущенное, потому что его уже не возвратить».

Проверяя себя, вижу: сколько я упустил драгоценных возможностей, оставляя все на потом, на более свободное время. Теперь я вижу, что наверстать упущенного никогда не смогу. Не знаю, что я отвечу Господу, когда услышу: «Ты знал волю Мою, но почему не сделал то и то?». Оправдания я не найду. Поэтому сегодня молюсь Господу: «Прости, что так много было напрасно потрачено времени». Я верю, что Бог слышит мою молитву покаяния и простит, потому что Он верен в Своих обетованиях.

Еще раз напоминаю себе и вам слова: дорожите временем! Делайте все, что только можно делать доброго. Наставляйте друг друга, тем более, когда усматриваете приближение дня оного. Поддерживайте слабых, которые устали, выбились из сил, утешайте больных, изнемогших

и тех, которые не могут твердо стоять. Они нуждаются в поддержке, в утешении, в увещании любви от чистого сердца.

Дорогие братья! Дорожите временем, не упускайте ни одной возможности, чтобы чего-то не сделать во славу Божью. Мне очень горько вспоминать те моменты, когда мог сделать, но не сделал. Поэтому спешите перевязать раны больным и смягчить их елеем любви, зная, что труд ваш не тщетен пред Господом. Будьте мужественны, тверды, противостаньте всем козням диавола, всем лукавым делателям, которые сеют смуту. Только тогда в день пришествия Господнего вы услышите: «...добрый и верный раб!.. войди в радость господина твоего» (Матф. 25, 21). Всегда радуйтесь, непрестанно молитесь, и Бог мира будет с вами.

Примите сердечную благодарность за заботу и поддержку в молитвах. Мы очень нуждаемся в них. Также примите мой сердечный христианский привет и передайте всем друзьям.

Благодать Господа нашего Иисуса Христа да будет со всеми нами. До свидания!

Любящий вас
ноябрь 1983 г. брат Мисирук

Мужа благочестивые восхищаются от зла

Пасмурным, холодным для Одессы, мартовским утром (14. 03. 1996 г.) к молитвенному дому Усатовской общины СЦ ЕХБ на траурное богослужение по случаю смерти служителя Совета церквей – Степана Никитовича Мисирука – стекался народ.

У гроба, кроме скорбящих родственников, в тысячной толпе плотно стояли преимущественно служители Украины, Молдавии, Западной Украины, России, Краснодарского края и других мест.

Прощальным служением, при участии курского духового оркестра, руководил у молитвенного дома – Михаил Иванович Хорев, на кладбище – брат Александр Бровер.

Печаль неожиданной разлуки острой болью отзывалась в сердце служителей Совета церквей, которым выпало счастье в суровое время гонений совершать дело духовного домостроительства вместе со Степаном Никитовичем. Г. К. Крючков, Я. Е. Иващенко, Г. В. Костюченко, М. С. Кривко, Д. В. Миняков, В. Т. Березовский, А. Я. Куркин в кратких проповедях с большой теплотой отмечали необычайную скромность дорогого сподвижника, силу Духа Святого, пребывающую на нем, великодушие и принципиальную верность в деле служения Богу.

Я. Г. Скорняков (от Джамбульской церкви), Б. Я. Шмидт, Д. А. Пивнев, А. И. Валл (от Сибирского объединения СЦ ЕХБ), миссия «Фриденсштимме», друзья из Сан-Диего (США) прислали семье Степана Никитовича сочувственные телеграммы утешения.

По свидетельству друзей последние минуты пребывания на земле Степан Никитович провел в молитве о дорогих его сердцу

служителях, которые будут продолжать дело Божьего домостроительства, и печалился о своих, еще не обратившихся к Богу сыновьях, непораздовавших его при жизни своим покаянием. Сердце их дрогнуло, когда на молящиеся уста любимого отца легла тень смерти. Один из сыновей покаялся во время служения у молитвенного дома, двое других, невестка и внук примирились с Богом, когда гроб с телом отца находился у края могилы. «Папа, прости нас! Мы не знали, что ты у нас такой хороший! Что тебя так любят...» – содрогались от рыданий дети.

«Господи, неужели ценой такой тяжелой утраты для братства, для церкви, для семьи Ты спасаешь дорогих детей раба Своего?! – вырвался вздох радости и грусти у тех, кто был свидетелем слезных молитв покаяния, которые смягчили боль утраты не только вдовы и матери этих детей, но и всего братства.

Степан Никитович прошел насыщенный скорбями путь. Бог удостоил его приобрести к семье страдальцев Христовых – два срока заключения и ссылку в далекую Якутию он относил к наилучшим годам своей жизни. Близкое общение с Богом, какое он пережил в тяжелые дни одиночества, были ему наградой за терпение и безропотность в страданиях.

Трудности узнической жизни, серьезные физические заболевания, многолетняя разлука с церковью и семьей были для него не так тягостны, как неотступная вербовка и попытки работников КГБ склонить его на сотрудничество для разрушения церкви изнутри. Бог помог Степану Никитовичу выйти победителем из этих страшных искушений.

Верного и испытанного служителя Господнего, жертвенно подвизавшегося в деле духовного возрождения церкви – Степана Никитовича – как некогда первомученика Стефана, оплакали и погребли мужа благовейные.

От дома до кладбища гроб с телом дорогого служителя несли на плечах любящие и глубоко скорбящие о нем соратники Господни, по зову сердца прибывшие проводить его в последний путь.

Похоронная процессия была похожа больше на шествие: впереди идущим не было слышно духового оркестра. Друзья несли 23 венка со словами любви к дорогому служителю. Среди них был венок от Совета церквей, от издательства «Христианин», от жены, детей, внуков, родных и близких и многих церквей.

Степан Никитович был любим народом Божиим повсеместно. Весть о его внезапной кончине обожгла сердце любящих. Изливая печаль перед Богом, каждый искал утешения, и Бог проливал бальзам святого успокоения, напоминая плачущим слова Священного Писания: «...праведник восхищается от зла» (Ис. 57, 1). Эти слова неоднократно звучали во время служения. Сердца святых уми-

ротворились сознанием того, что молитва Иисуса Христа: «Отче! которых Ты дал Мне, хочу, чтобы там, где Я, и они были со Мною...» (Иоан. 17, 24) исполнилась в отношении Степана Никитовича, и он видит славу своего Учителя, Которому преданно служил всю жизнь.

Сопровождаемый молитвами и слезами святых, усыпанный цветами любви уходил от нас на временный приют дорогой служитель, чтобы при гласе Архангела и трубе Божьей в ином теле восстать из плена могилы прежде живых, ожидающих встречи с Господом (1 Фес. 4, 16-17).

СЫН УТЕШЕНИЯ

Перед тем, как ехать в дом плача о моем дорогом друге и верном рабе Господнем — Степане Никитовиче — я разговаривал по телефону со служителем Совета церковью Иваном Яковлевичем Антоновым. Он просил меня передать в утешение народу Божьему слова из книги пророка Исаии, которые здесь уже зачитывали — Исаии 57, 1—2. В утешение семье и самому себе Иван Яковлевич напомнил о плаче Давида об Ионафане: «Скорблю о тебе, брат мой Ионафан: ты был очень дорог для меня; любовь твоя была для меня превыше любви женской» (2 Цар. 1, 26).

Обратите внимание, как соработники Божьи, благословенно трудясь на ниве Божьей, сродняются в любви, как они нуждаются в дружбе и как тяжело расстаются. Эти слова — не метафора.

Степан Никитович был пронизан любовью Божьей, на его лице никогда не было гнева. Этот человек прожил жизнь с застенчивой улыбкой, но с преданным сердцем. Приятно было слышать искренние свидетельства друзей, любящих Степана Никитовича. Как он чудно жил! Как преданно служил Господу!

О нем говорили здесь самые возвышенные слова, и ни одно из них не было неискренним! Если бы кто нашел лучшие слова, их нужно было бы сказать, потому что наш дорогой брат достоин, чтобы так говорили о нем. Бог чудно изменил все его существо и наградил благословенным даром утешения.

Сейчас Степан Никитович утопает в цветах, утопает в детских лицах. Много доброго было сказано о повседневном хождении брата. Но я должен отметить и другую сторону. Засвидетельствовать каким был Степан Никитович среди воинов Господних, среди пастырей, среди царей и священников. На совещаниях Совета церковью он всегда был рядом, сидел справа от меня, и я знал, что рядом со мной находится улыбка и милосердие. Но когда нужно было сказать твердое слово в защиту истины, Степан Никитович говорил его, невзирая на лица. Говорил так же застенчиво, так же смущенно. Но говорил так, как сказать мог бы Сам Бог, потому что через него действовал Дух Святой. На его жизни и служении сказались сила Божья.

Я сравниваю подвиг Степана Никитовича с подвигом перво-

мученика Стефана. Брат Степан Никитович — тоже мученик. Он очень много пострадал. Он не был оратором и не умел говорить громко, но то, что брат произносил тихо, иногда имело еще большее значение. Степан Никитович был чудный человек — здесь нет никакого преувеличения. Он был большой помощью служителям Совета церкви, и мы благодарим Бога за такого соратника, за такого друга.

Мы благодарим Бога за семью брата, которая отпускала его на служение. Что дети и жена терпели его отсутствие — от всей семьи это большой вклад в дело Божье.

Первомученика «Стефана погребли мужи благоговейные и сделали великий плач по нем». Уход от нас нашего Стефана — это тяжелая утрата. Нам очень недостает иногда таких простых, верных, искренних людей. Гордецов, рвущихся к власти, и в церкви много, а скромных и мужественных — мало. Сегодня нашего друга и служителя погребают мужи благоговейные, потому что в их прощальных словах нет ни одного слова фальши.

Наш дорогой брат, как и многие усопшие во Христе, в пришествие Иисуса Христа воскреснут первыми (1 Фес. 4, 16). Они первыми услышат глас Божьего призыва и восстанут из могил.

Иногда душа задает вопрос: как это будет? И Господь напоминает величественные слова: «У Бога не останется бессильным никакое слово» (Лук. 1, 37). Когда Мария, Мать Господа, вопрошала Ангела, как воплотится Сын Божий, то получила ответ, что это совершит всесильное слово Бога! Это воистину так!

Вспомним, милые друзья, прикосновение Сына Божьего к одру умершего сына Наинской вдовы. Стоило Христу сказать: «Юноша! тебе говорю, встань. — Мертвый поднявшись сел и стал говорить...» (Лук. 7, 14—15). Женщина, болевшая 12 лет, сказала сама в себе: «Если только прикоснусь к одежде Его, выздоровею», и исцелилась (Матф. 9, 21). Если Бог сказал, что грешник без покаяния смертью умрет — так и будет. Но если кто доверился словам Христа и оплакал перед Ним свою греховность, он будет спасен, потому что «у Бога не останется бессильным никакое слово!» Уповая на это чудное слово, мы стараемся идти путем заповедей Божьих. Служим Ему, не на свои силы надеясь, а на Его всемогущее слово. Находясь в тюрьме, когда над тобой издеваются, трудно улыбаться. Но когда сердце исполнено благодати Божьей, когда Бог через Слово Свое преображает простого смертного человека, тогда можно и в скорби радоваться.

Мы печалимся, что нет больше с нами дорогого брата, он здесь уже не труженик, но мы радуемся, что все, сделанное им, учтено Богом! Ни одна буква, ни одна йота не будет вычеркнута из подвига дорогого служителя. Всему, что успел совершить брат, Бог дал высокую оценку и взял его в Свои чертоги. «...Войди в радость господина твоего» (Матф. 25, 21). Это слово так же верно и всесильно. С этой надеждой, с этим упованием будем следовать за нашим Господом и дальше.

Те, кто верно пройдут свой путь, будут судить этот мир, как сказал Господь: «Разве не знаете,

что святые будут судить мир?.. Разве не знаете, что мы будем судить ангелов...» (1 Кор. 6, 2—3). Вот этот, сохранивший верность, муж Божий, с которым мы ныне прощаемся, он одновременно и судия. Сколько он пережил глумлений! Сколько страдал с Церковью Христовой! Когда пробьет час, святые войдут в иную славу, примут иные свойства и будут судить мир. Мы будем судить ангелов — таково обетование Божье! Именно те, которые сегодня, кажется, ограничены со всех сторон и теснимы, те, которые плачут над утратой близких, — те будут судить мир. Да, сегодня мы будем переживать, великий плач устроим, потому что от нас ушел соратник на ниве Божьей. Но мы силой Господней победили мир! Силой Господней вышли на путь независимости и никакие внешние стеснения, никакие внутренние козни не могут разрушить наше упование на Бога! Мы не боимся слез, не боимся большой печали о праведном муже Божьем. У нас есть утешение, что душа его водворилась у Господа. Для нашего возлюбленного брата тайна водворения в вышние чертоги совершилась, а для нас, живых, она по-прежнему остается тайной.

Что унес в своем духе наш дорогой друг, знает только один Господь. Теперь его никто не может очернить, оклеветать — Господь восхитил праведника от зла! Наш друг и брат — во спасении! Он навеки будет пребывать в деснице Божьей!

Да даст Господь незнающим Его силу для покаяния, особенно родственникам и близким Степана Никитовича. А тем, кто знает

узкий путь, но колеблется и отступает, пусть укрепятся в уповании. Миру за растленный образ жизни оставлено мало времени для покаяния, и у колеблющихся для исправления своего хождения — тоже сроки весьма малы.

Дорогие соратники Божьи! Будем подражать вере и верности Степана Никитовича, который с таким упованием встречал своего Господа. В последние минуты жизни на земле он не столько прощался, сколько очами веры искал встречи с Сидящим одесную Бога — Иисусом Христом. Молитвами покаяния достигайте благословений Божьих, какие обрел наш дорогой брат и друг. Степан Никитович до конца жизни радовался дару спасения, радовался возможности служить Богу в скорбях, в тюрьмах, в скитаниях. Мы на земле расстаемся с братом и не стыдимся своих слез. Мы просим милости покаяния для тех, кто не отдал еще сердце Господу. Милости этому городу просим, этому селению, дорогим соседям: Господи, спаси их! Дай им дерзновение, чтобы не смущал их сатана и они покаяться за свои грехи, потому что близки суды Твои. Наш дорогой брат не подлежит теперь никакому суду. Он уже со всеми святыми, потому что почил в уповании, в верности и любви. Мы верим Господу, что Он, будучи верен в Своих обетованиях, благословит дело Свое и оно будет процветать до Его пришествия. А противник будет постыжен и посрамлен, не имея сказать о нас ничего худого. Да будет прославлен за все великий Бог Отец, Сын и Дух Святой.

Г. К. КРЮЧКОВ

**Яков
Ефремович
ИВАЩЕНКО**

Разлука с нашим дорогим братом
и верным служителем Господним болью отозвалась в наших сердцах. Но Бог утешает нас, чтобы мы не скорбели об умерших, как не имеющие надежды (1 Фес. 4, 13).

Диакон первоапостольской церкви Стефан, умирая под градом камней за дерзновенное свидетельство о Христе, молился за своих врагов: «Господи! не вмени им греха сего» (Д. Ап. 7, 60). Стефан в последний миг жизни не печалился о себе, что так рано уходит из жизни. Исполненный мудрости и Духа Святого, служитель скорбел о тех, кто сознательно отвергают пришедшего Мессию и этим навлекают на себя справедливый гнев Божий.

Детей Божьих, присутствующих сегодня на прощальном служении, наполняет подобная скорбь. Жизнь нашего дорогого служителя, по свидетельству очевидцев, закончилась переживаниями о деле Божьем, ходатайственной молитвой о детях, непознавших путь спасения, и о многих грешниках, кто слушает сегодня Слово Господне. Разлука с дорогим братом временная. Мы скорбим только о том, что у нас стало меньше молитвенников за дело Божье, за расширение дела евангелизации.

Родственникам и всем скорбящим напомним всесильные слова Христа, сказанные Марфе, плачущей об умершем брате: «Воскреснет брат твой» (Иоан. 11, 23). Воскреснет и наш дорогой брат, Степан Никитович! Мы встретимся с ним на небесах!

Сегодня звучало Слово Господне:

«Праведник умирает, и никто не принимает этого к сердцу». Истину о загробной жизни не принимают к сердцу лишь неверующие, не желающие служить Богу при жизни, потому после смерти они пойдут на вечные мучения в ад. Дети Божьи принимают это к сердцу и знают, что шедшие за Христом узким путем восхищаются от зла и идут на небо. Они радуются, что праведники водворяются у Господа.

Праведникам Бог скажет в свое время: «Придите, благословенные Отца Моего, наследуйте Царство, уготованное вам от создания мира». Грешникам: «Идите от Меня, проклятые, в огонь вечный...» (Матф. 25: 34, 41). Да сохранит Господь от адского огня всех слушающих сегодня Слово Божье. Примиритесь с Богом, и вы получите прощение грехов и жизнь вечную.

**Дмитрий
Васильевич
МИНЯКОВ**

**Григорий
Васильевич
КОСТЮЧЕНКО**

В последние дни жизни

патриарх Иаков с дальновидностью пророка предсказал будущее каждому сыну и, окончив завещание, «приложился к народу своему», — читаем мы в книге Бытие (49, 33). Ни у кого нет сомнения, что Иаков приложился к избранному Богом народу, с судьбой которого была связана вся его земная жизнь.

Кто и к какому народу приложится по окончании земного странствования, определяется при жизни. Дело не в национальной или расовой принадлежности, а в духовном приобщении, духовном единении. С духом какого народа был соединен человек, живя на земле, с каким народом делил радость и горе, с кем вместе шел по пути, — к такому сонму и приложится дух его, когда он отойдет в путь всей земли.

Об искупленных чадах Божьих сказано, что это народ особенный, люди взятые в удел, царственное священство (1 Петр. 2, 9). Степан Никитович был единоплемен с гонимым народом Господним. Без ропота нес вместе со святыми все тяжести труда и крест скорбей возлюбленной Церкви Христовой. Теперь, когда все невзгоды позади, он слился с сонмом святых, для которых Бог приготовил обители!

Общаясь со Степаном Никитовичем, мне запечатлелась такая добрая черта: уступчивость не только старшим по возрасту и духовному опыту, но и меньшим. И это не случайность. Так учит Господь и Слово Его: «Почитайте одиного другого высшим себя» (Фил. 2, 3). Степан Никитович это делал легко и свято, располагая к себе.

Он не был красноречивым, но самое простое слово в его устах звучало сильно, откровенно прямо, без глинных заходов и влиядло на слушателей.

У него не было начальственного вида, он ничем особенным не выделялся, тем не менее, в Совете церковей Степана Никитовича постоянно и единоплеменно избирали в узкий круг малого совета.

В заключение хочу рассказать дорогим сыновьям Степана Никитовича и внукам случай из жизни. Одиного благочестивый отец, предчувствуя свою кончину, позвал сыновей, чтобы передать последние наставления. Верующим сыновьям он сказал: «До свидания. До встречи в небе». А неверующему сыну, стоявшему с поникшей головой, сказал: «Сынок, я не могу, прощаясь, сказать тебе эти слова. На земле у нас с тобой были разные дороги, и не в одно место мы придем... Я с тобой разлучаюсь навсегда и должен сказать тебе: "Прощай..."».

Одиного из сыновей Степана Никитовича на похоронном служении у молитвенного дома воззвал к Господу о прощении грехов. Как бы хотелось, чтобы остальные, не примиренные с Богом, дети сказали у могилы дорогого отца: «До свидания, папа!» и примирились с Богом.

**Михаил
Сергеевич
КРИВКО**

128 Псалом Давида

по праву называется песнью восхождения, потому что преисполнен восторженной благодарности Богу за милости Его и особенно за победы, какие Он помогал одерживать народу Израильскому над неприятелями, которые долгие годы глумились над ними. «Много теснили меня от юности моей... — пели Израильтяне, вспоминая ужасы пережитого. — Много теснили... но не одолели... На хребте моем орала оратаи, проводили глинные борозды свои» (ст. 1–3). Хребет — средоточие силы человека. Сломлен позвоночник — человека, считай, нет. Много «оратаев» устремлялись на народ Израильский, чтобы сломить дух его, лишить упования. Но этого не произошло!

Путь нашего братства очень похож на путь народа Израильского. От начала благословенного движения за пробуждение церкви малое стадо последователей Христовых теснили тюрьмами, ссылками, лагерями.

Среди теснимых был и наш дорогой брат Степан Никитович. Недруги дела Божьего не раз пытались сломить его дух, но над его жизнью была простерта сильная Божья рука. Бог допускал эту переплавку рабу Своему, чтобы сделать его чище, мужественней. Как благословенно закончилась переплавка: не одолели! Не сломили духа верности в дорогом слуге Божьем! Брат победно закончил свой путь. Мы еще идем, но в устах наших не плачевная песнь, а песнь восхождения! Не одолели народ Божий тюрьмы, потому что Господь был с нами! Не одолеют и коварные искушения, потому что верен Бог, ведущий нас узким путем!

Слово Господне призывает нас

помянуть наставников наших, которые проповедовали нам Слово Божье, и подражать вере их (Евр. 13, 7).

Сегодня в церкви много наставников, желающих поучать ближних. Но нужно помянуть и подражать вере тех, которые жили в послушании слову Господнему до последнего вздоха. Таким слуге Божьим был Степан Никитович, и я хочу подражать его мужественной вере и быть верным Господу до смерти не на словах, а на деле.

Бог вывел наше братство на независимый от мира путь служения. Не рукой человеческой была совершена эта работа, а силой Господа через верных рабов Его.

Хочу призвать молодое поколение подражать вере подвижников Божьих, чтобы и через наше служение прославился Вседержитель.

**Алексей
Яковлевич
КУРКИН**

**Василий
Тарасович
БЕРЕЗОВСКИЙ**

Мне тяжело говорить слово...

Я расстаюсь с самым близким другом и соратником на ниве Божьей. Тяжело переживать эту утрату, но Господь утешает словом Своим: «Блаженны чистые сердцем, ибо они Бога узрят» (Матф. 5, 8). Многие, не только я, могут засвидетельствовать, что сердце Степана Никитовича чисто, потому что он всецело принадлежал Господу и был верным Его слугителем...

В вечные обители ушел наш дорогой брат

и ревностный слуга Божий — Степан Никитович, оставив хороший пример и для служителей, и для церкви.

Я знаком со Степаном Никитовичем с 1967 года. Большинство братьев были тогда в узах за верность Господу. Степан Никитович приезжал на совещания межобластного совета Киевского и Западно-Украинского объединений Совета церквей. В простоте и искренности он призывал служителей следовать за Господом, в точности исполняя Слово Божье.

Когда Степана Никитовича в 1988 году арестовали в Ровно, все были убеждены, что он избрал прямой путь следования за Агнцем, но многие церкви, и особенно служители, почувствовали его отсутствие.

Следствие, суд, срок и затем ссылка на Север в поселок Батагай... Пройдя через все это, брат сохранил верность Господу, полностью отдавшись в Его распоряжение. Находясь в ссылке, куда к нему приехала семья, брат, зная свое призвание, проповедовал и там Слово Господне.

По возвращении из ссылки братья предложили Степану Никитовичу для духовного труда переехать в город Бельцы. Там в маленькой группе верующих он нес пресвитерское служение.

**Николай
Петрович
ПОЛИЩУК**

Степану Никитовичу приходилось совершать гуховное служение в братстве, будучи на нелегальном положении. В это время я часто посещал с ним церкви Киевского объединения. Опасно ли это, арестуют ли его, — он на это не смотрел. Шел и с помощью Божьей разрешал вопросы любой трудности. В рассуждениях он никогда не настаивал на своем, но никогда и не отступал от истины. Бог давал ему мудрость убеждать всех принять угодное Богу решение.

Дорогой брат ушел в вечность. Хочется погражать примеру его жизни: быть строгим к себе, ко греху и снисходительным к другим.

Меня арестовали в 1981 году. Мы долго не виделись. В 1986 году, когда я был в ссылке, Степан Никитович посетил меня. «Ты не обижаешься?» — неожиданно спросил он меня. — «За что?» — удивился я. «Я должен быть арестованным, а не ты...» — вздохнул Степан Никитович. — «Господь не ошибается», — успокоил я дорогого брата. Мы молились и много рассуждали о деле Божьем. Церковь, братство, забота о всех церквях были постоянной темой его бесед и молитв.

«У гроба дорогого брата

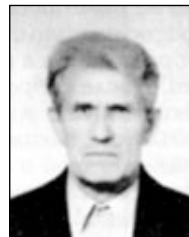
встретились печаль и радость. Печаль, что нет с нами верного служителя Божьего, и радость, что Господь прославился через жизнь и служение Степана Никитовича», — говорил служитель Нижегородского объединения СЦ ЕХБ Н. С. Мазурин.

Обращаясь к неверующим слушателям, считающим, что со смертью человека кончается все, Николай Семенович как бы от их имени задал вопрос, волнующий каждого жителя земли: «Когда умрет человек, то будет ли он опять жить?» (Иов. 14, 14). Брат ответил на него, сославшись на евангельскую притчу о богаче и Лазаре (Лук. 16, 19—31). Лазарь после смерти был отнесен Ангелами на лоно Авраамово, а богач мучился в адском пламени. «Отрезок времени, который мы проводим на земле, — это не жизнь, а лишь подготовка к грядущей вечной жизни. Об этом свидетельствует Священное Писание: "Слушающий слово Мое и верующий в Пославшего Меня имеет жизнь вечную... и перешел от смерти в жизнь" (Иоан. 5, 24)».

Николай
Семенович
МАЗУРИН

Яков
Никитович
МИСИРУК

Он ни на кого не повышал голоса. Никогда не защищал себя. Иногда я говорил: «Ну, что ты молчишь? Скажи хотя слово в свою защиту». Степа улыбался, а я вступался за него. А на похоронах Геннадий Константинович сказал, что дорожил застенчивой улыбкой Степана Никитовича, — оказывается, это очень ценно!

Я удивлялся терпению Степана Никитовича. На меня стоило иногда и покричать, но он молча улыбался. Я считал раньше, что он улыбался от равнодушия. Теперь понимаю, что улыбка — это его сила.

Когда Степан Никитович нес служение в братстве и был на нелегальном положении, я имел счастье на короткое время встречаться с ним. Без преувеличения — это были сладкие встречи! Мы молились, плакали, и Степан Никитович торопился к братьям, к церкви, к семье.

Тридцать лет наше братство

совершало служение под сильным нажимом внешних. Ревностным служителям давали повторные сроки заключения без выхода на свободу. Все эти годы Степан Никитович трудился в братстве. Он никогда не отказывался участвовать в рассуждениях о нуждах и проблемах церкви, какими бы трудными они ни были, — хватило бы только времени, да гонители не помешали, а брат непременно придет глубокой ли ночью или ясным днем, болен он или здоров.

Последние годы Степан Никитович, кроме служения в Совете церквей, был ответственным служителем Западно-Украинского объединения СЦ ЕХБ. Но где бы ему ни приходилось трудиться, он соблюдал Слово Господне. Поэтому наш дорогой брат, как сказано в Священном Писании, «не увидит смерти вовек» (Иоан. 8, 51). Слово это истинно, потому что его изрек уста Иисуса Христа.

Александр
БРОВЕР

«Покаялся я в зарегистрированной общине, — свидетельствует служитель церкви г. Бельцы. — Краем уха услышал об отделенном братстве и решил прийти к ним на богослужение. Вошел. Степан Никитович сидел за столом. «Проходи, брат, садись», — подвинулся Степан Никитович. Его улыбка и радушие тронули мое сердце. На этом собрании я впервые ощутил, что вошел в присутствие Божье. Хотя я на чувства не полагаюсь, но внутренняя умиротворенность и радость наполнили меня. С народом Божиим гонимого братства я в первый же день испытал общение духа. После собрания я много расспрашивал Степана Никитовича о жизни братства. Он спокойно и просто объяснял, каким путем нужно идти за Господом. Пришел я домой и сказал жене: «Отныне я пойду истинным путем!» В 1977 году я вышел из зарегистрированной общины. Никаких сомнений и колебаний у меня с тех пор не было. Эта первая встреча и беседа с дорогим служителем была для меня поворотным моментом.

Я очень благодарен Господу за эту встречу.

Степан Никитович уделил много внимания духовному воспитанию детей Божьих церкви г. Бельцы. Как некогда Варнава нашел в Тарсе Савла и привел его в Антиохию (Д. Ап. 11, 25), так и Степан Никитович великодушно уступал место другим братьям, а сам предпочитал оставаться в тени. Варнава продал имение и все деньги сложил к ногам Апостолов, и Степан Никитович положил к ногам Господа всю свою жизнь. В наше время немного таких христиан, которых можно было назвать «сынами утешения». Степан Никитович был один из тех немногих. Его жизнь была насыщена скорбями, и только в Боге он находил утешение, а затем щедро дарил его ближним. Однажды, подойдя к плачущему ребенку, которого не могла утешить мать, Степан Никитович сказал: «Я соберу все твои слезы в руку, чтобы они не падали на землю...», и ребенок утих.

Как «сын утешения» Степан Никитович служил любовью и взрослым. Горе и боль ближних теряли свою остроту от его сочувственных слов: «Я хочу разделить твою скорбь, не надо плакать...»

Степана Никитовича любили во всех церквях. Прежде чем предложить какой-то вопрос на рассмотрение церкви, Степан Никитович согласовывал и обговаривал его с братьями, поэтому самые сложные вопросы в его присутствии решались легко и единодушно. Мы не раз замечали: нет Степана Никитовича — вопрос не решится положительно. Приходил он — и все становилось на свои места.

Господь восхитил от нас «сына утешения», но мы благодарны Богу за то, что рядом с нами жил и трудился этот скромный, застенчивый, святой человек.

Я познакомился со Степаном Никитовичем в тяжелые 60-е годы, когда на Церковь Христову обрушились гонения. Однажды после крещения мы призывали неверующих к покаянию. Призывали робко. Степан Никитович нас поправил: «Братья, смело призывайте людей на путь Господень!» Мы ободрились и призывали с дерзновением, и люди обращались к Богу.

Не так давно, беседуя с дорогим служителем, я порадовался: «Степан Никитович, у вас вся жизнь прошла в святом труде для Бога!» «Да, — согласился он, — но в последнее время сложнее стало совершать служение».

Какое счастье знать верных служителей! Молодым людям свойственно не слушать старших. Поэтому я призываю особенно молодых братьев и сестер поддерживать служителей Божьих, радовать их сердца послушанием, молиться о них и почитать поставленных Богом для ответственного служения в церкви. Не будем причинять боль и страдания тем, которые ради служения Богу и церкви отдают все...

Священное Писание повествует

о пророке Божьем Елисее, на котором Дух Божий почивал вдвойне (4 Цар. 2, 9). Он при жизни был святым человеком, а через год после его смерти, когда погребали одного мертвеца, то погребавшие, увидев наступление вражеских полчищ Моавитян, «бросили того человека в гроб Елисеев; и он при падении своем коснулся костей Елисея, и ожил, и встал на ноги свои» (4 Цар. 13, 21).

Сколько сегодня людей живых физически, но для Бога они мертвы, потому что живут во грехе! Дал бы Господь, чтобы эта последняя молчаливая проповедь Степана Никитовича воскресила к новой жизни его сыновей, что бы они пошли за Христом так, как шел их отец.

Наша церковь много лет молилась

Господу о служителе, через которого Он управлял бы нами. Бог услышал наши молитвы и послал Степана Никитовича — этого чудного раба Своего. Он не советовался с плотью и кровью и расточал себя для ближних. Он уезжал на служение даже из больничной палаты, когда его здоровье было в кристическом состоянии. «Я должен поехать», — улыбался Степан Никитович, — а если придется умереть — на все есть воля Божья».

3 марта Степана Никитовича положили в больницу. Церковь усиленно молилась о дорогом служителе. Я вошла в палату и удивилась: его глаза светились неземной радостью!

Мы читали Слово Божье, рассуждали. Иногда он засыпал. Многие дети Божьи посещали его. Взоры Степана Никитовича были направлены к горнему, ко Христу. Он волновался об Ужгородской церкви, переживал о служении, которое не успел окончить. Молился о братском общении, где его ожидали. Беседы были только о деле Божьем.

6 марта Степану Никитовичу передали от церкви привет: «Мы все любим вас и молимся...» На искренние приветствия он ответил неизменной улыбкой.

10 марта, в воскресенье, мы много рассуждали о Слове Божьем. Я никак не могла смириться, что Господь отзывает Степана Никитовича.

«Почему вы так мало побыли с нами? Я понимаю: когда служитель Божий совершит порученный ему труд, Бог отзывает его к Себе».

«Да, — подтвердил он. — Такому человеку Господь говорит: "Хорошо, верный и добрый раб, войди в радость Господина твоего". И Христос, когда совершил дело спасения, сказал: "Я прославил Тебя на земле, совершил дело, которое Ты поручил Мне исполнить... Я к Тебе иду..." (Иоан. 17: 4, 11).

Когда меня осудили вторично за служение Богу и народу Его, я не думал, что вернусь из заключения. Видишь, я после этого еще много прожил, и благодарен за это Господу.

Я много рассуждал о служителе братства и многолетнем узнике за дело Христово — Николае Георгиевиче Батурине. Он очень молился о благовести, а когда открылась дверь для широкой проповеди Евангелия, Бог отозвал этого молитвенника, потому что он исполнил вверенное ему служение».

Перед моим уходом домой Степан Никитович волновался, что о его самочувствии сообщили детям, церкви, — он никому не хотел причинять тревоги. «Зачем столько преждевременных слез, переживаний? Ведь все равно будет так, как предусмотрел Бог...» Он помолился, чтобы Господь утешил жену, детей.

В понедельник, 11 марта, я была дома. На душе было тяжело. Открыв Библию, я прочитала: «Праведник умирает, и никто не принимает этого к сердцу; и мужи благочес-

тивые восхищаются от земли, и никто не помыслит, что праведник восхищается от зла» (Ис. 57, 1). «Господи, — спрашивала я в молитве, — это слово о Степане Никитовиче?» Сердце свидетельствовало: да... Меня утешило только то, что «праведник восхищается от зла».

Я встревожилась и поспешила в больницу. Степан Никитович сказал, что всю ночь с воскресенья на понедельник он читал Слово Божье, молился и тихо пел. Рассказал, что полтора часа беседовал с приближенным братом. «Степан Никитович, — заметил брат, — у меня создалось впечатление, что вы сдали экзамен и собираетесь уезжать куда-то далеко...»

В последние часы жизни Степан Никитович заботился и переживал о других.

— Есть хорошее выражение, — рассуждал он вслух, — "светя другим, сгораешь сам..."

— Это действительно так, — согласилась я. Мое сознание обожгла мысль: неужели брат чувствует близкий конец?

Он поднимался, выходил из палаты. Но примерно через час лицо его стало меняться.

— Степан Никитович, вам плохо?

— Нет-нет.

А я смотрю, что открытые светлые глаза брата уже устремлены ввысь.

— Степан Никитович! Степан Никитович! — позвала я, но Бог уже отозвал его...

ТЕЛЕГРАММА

№ _____

Блаженны мертвые, умирающие в Господе... Откр. 14, 13

Служители Сибирского объединения Совета церквей ЕХБ выражают глубокое соболезнование родным, близким, церкви в связи с невосполнимой утратой – кончиной дорогого брата во Христе Степана Никитовича Мисирука. Тяжело сознавать, что его больше нет с нами на земле. Оборвалась жизнь дорогого служителя. Бог отозвал нашего брата в Свои обители.

Не удержать души в стране земной, когда ее домой зовет Всевышний...

Уходит в небо близкий и родной – и небеса становятся нам ближе.

Уходят души, но настанет час, Архангел вострубит – мы будем с ними,

И радости возвышенной у нас никто на небе славном не отнимет!

Мы верим, что боль этой временной разлуки снимут со скорбящих сердец святые слова Спасителя: «...верующий в Меня, если и умрет, оживет» (Иоан. 11, 25). Мы надеемся, что слова Священного Писания утешат дорогую семью, близких, друзей, а также всю церковь, которая скорбит об утрате верного труженика Божьего. Он достиг желанной цели. Обетование Господне вселяет радость в сердца верных: «...возьму вас к Себе, чтоб и вы были, где Я» (Иоан. 14, 3).

«Хорошо, добрый и верный раб! в малом ты был верен, над многим тебя поставлю; войди в радость господина твоего» (Матф. 25, 21). Для Степана Никитовича настало время незакатной радости. Дух его вместе с сонмом святых поет новую, ничем не омраченную песнь хвалы Богу!

Будем утешаться этой верой! Мы не прощаемся с ним навсегда. До встречи в вечности, дорогой брат!

Д. А. Пивнев, Б. Я. Шмидт, А. И. Валь

Новосибирск, 13 марта 1996 г.

ТЕЛЕГРАММА

№ _____

Блаженны мертвые, умирающие в Господе...
они успокоятся от трудов своих, и дела их
идут вслед за ними. Откр. 14, 13

Дорогая сестра Мисирук! Дорогие родные и близкие!

Дорогие братья Совета церквей!

Выражаем Вам сердечное соболезнование по поводу смерти верного труженика на ниве Господней брата С. Н. Мисирука.

Скорбит и наше сердце, что уходит из жизни те, кто усердствовал в труде и делал его верно. Но Господь силен восполнить утрату и через свидетельство о жизни брата побудить еще многие души к труду.

Утешительно то, что Христос умер и воскрес «и умерших в Иисусе Бог приведет с Ним... мы, оставшиеся в живых, вместе с ними восхищены будем на облаках в сретение Господу на воздухе, и так всегда с Господом будем» (1 Фес. 4: 14, 17).

С любовью и в молитве о Вас – ваши в Господе
сотрудники миссии «Фриденштимме»

Гуммерсбах, 13. 03. 1996

ТЕЛЕГРАММА

№ _____

Ушел с земли чудесный человек
И память светлую оставил в мире,
Сиять звездой будет он вовек...
Вздыхает горестно и плачет моя лира.

«Разумные будут сиять, как светила на тверди, и обратившие многих к правде – как звезды, во веки, навсегда» (Дан. 12, 3).

С глубоким сочувствием и соучастием всем скорбящим –
церковь СЦ ЕХБ г. Джамбула (пресвитер Я. Г. Скорняков).

ТЕЛЕГРАММА

№ _____

Дорогая сестра Любовь Мисирук и Ваши дети! Выражаем Вам искреннее соболезнование и утешение в вечной любви нашего Небесного Отца (Псалом 120).

В наших сердцах Степан Никитович остался как добрый наставник, духовный отец, скромный, верный, любящий.

С молитвой о Вас – Владимир Охотин, моя семья.
Сан-Диего (США), 12 марта 1996 г.

С верой в будущее

Как молитвы власть сильна...» — поем мы гимн, и сердце наше вполне сознает, что Тот, Кому мы молимся, не дремлет и не спит. Он всегда слышит взывающих к Нему.

Молитва — это общение с Богом, и она сопровождает нас всю жизнь, потому что мы желаем постоянно общаться с Богом.

Молитва открывает небо, и Бог, обитающий в непреступном свете, изливает на молящихся Свой благословения. Христианин не может жить без молитвы, как не может жить, не дыша.

Сегодня в нашем служении будет отведено время для молитвы над ребенком. Мы пропели гимн: «Мой дом и я служить хотим Тебе, Христос, лишь одному...». Да, весь дом, все, кого Господь подарил нам, должны принадлежать Господу, как и в древние дни сказал Иисус Навин народу, среди которого жил: «Если же не угодно вам служить Господу, то изберите себе ныне, кому служить... а я и дом мой будем служить Господу» (И. Нав. 24, 15).

Все верные дети Божьи во все

века стремились добровольно принести в жертву Богу, посвятить Ему на служение все самое лучшее, все самое родное и близкое.

Счастлива семья, в которой каждый ее член воистину посвящен Богу! Посвящены родители, отданы в Божье распоряжение дети, воспитываются в духе жертвенности внуки.

Благодарение Господу, что Он создал семью — этот теплый очаг, где самым главным управителем является Господь, где после всех тревог, недопониманий можно успокоиться, как в тихой гавани.

Но есть несравненно лучшее пристанище для путников земли — это возлюбленная Церковь Христа. Здесь души находят не временную уладу, а небесный покой, непреходящую радость, вечное спасение. И вот в эту обитель духа для каждого христианина принесли сегодня родители свое любимое дитя, чтобы в присутствии Господнем вся церковь вознесла молитвы о благословении и ребенка, и родителей, которым Бог доверил воспитать эту крошку.

Соломон написал песнь вос-

хождения. Он пел песни радости и благодарил Бога за детей от Него. «Это награда от Него», — говорил Соломон (Пс. 126, 3). Не все воспринимают эти дары с радостью, потому что не хотят переносить трудности, скорби. Боящиеся Бога родители, которые посвятили самих себя Господу, принимают с радостью всех детей и не уклоняются от трудностей, ибо сознают, что все, что исходит от Бога, несет с собой благо.

Родители имеют от Бога благословенную возможность не только сами жертвенно служить Господу, но и привить эту любовь к Богу детям, и тем самым умножить хвалу Богу. Детские сердца — это нива, — распахивай и с любовью засевай святые семена! Что посеешь, то и вырастет! Раннее детство — самая лучшая пора для благодатного посева, потому что в эту пору дети более вос-

приимчивы и впечатлительны.

Напомню известный случай, когда белые родители нашли похищенных детей в одном из племен дикарей. После долгой разлуки дети не узнавали родителей и убежали. И только одна мать, запев колыбельную песню, отыскала сына и дочь. Услышав звуки знакомой с раннего детства песни, повзрослевшие дети, перенявшие обычаи и поведение дикарей, закричали: «Мама!» Вот что значит через песни, через богобоязненную жизнь наставить детей в начале пути. «Он не уклонится от него, когда и состареет», — говорит Священное Писание (Притч. 22, 6). И самое лучшее — научить детей страху Господнему. Это возможно, когда сами родители ходят в страхе Божьем, первое место в семье отдают Господу, крепко любят заповеди Его (Пс. 111, 1) и всей

своей жизнью являют детям Иисуса Христа.

«Начало пути» — это то время, когда родители получили уверенность, что Господь посылает им новую жизнь. Когда Маной, отец Самсона, узнал, что у них родился сын (это время самое ответственное), он просил: «Господи! пусть придет опять к нам человек Божий, которого посылал Ты, и научит нас... как нам поступать с младенцем сим и что делать с ним?» (Суд. 13: 8, 12).

С этого времени начинается воспитание! С этого времени нужно просить у Бога мудрости созидать душу ребенка молитвами, собственным смирением и благоговением перед Богом.

«Верю в будущее Исаак благословил Иакова и Исава», — читаем мы в послании Евреям (11, 20). Исаак глубоко верил: когда он призывает имя Господне на детей, Бог будет сопровождать их во всех обстоятельствах жизни. Так говорит Священное Писание: «Благословение Господне — оно обогащает, и печали с собою не приносит» (Притч. 10, 22).

С верой в будущее и сегодня родители призывают благословение Господне на тех, кого им подарил Бог. Вложив в их воспитание всю душу, они хотят, чтобы Господь взял их в Свои руки, охранял, защищал и ополчался вокруг них.

К Иисусу Христу, когда Он жил на земле, матери приносили и приводили детей под Его благословляющие руки, и благословение сопровождало их во все дни жизни. Сколько есть примеров, когда родители умирали, но их молитвы не остались забытыми Богом. Рано или поздно, но дети, вспоминая родительские слезы

и молитвы, обращались к Господу. Мать сыновей Зеведеевых беспокоилась даже о взрослых детях и хотела, чтобы они в Царстве Божьем сидели один по правую сторону, а другой — по левую (Матф. 20, 20—23). Желание родителей видеть своих детей в постоянном присутствии Господнем — доброе, и Господь его исполнит.

Мы будем молиться, чтобы Господь послал родителям мудрость для воспитания детей, которая так необходима.

Молитва Степана Никитовича: «Господи! Боже наш! Ты — Бог милосердия, долготерпения и всякого утешения. В этот час мы согласились благодарить Тебя за подарок, это дитя, которое Ты подарил родителям. Благодарим Тебя, что имеем сегодня право вознести его на руках молитвы к престолу благодати Твоей. Просим, простри Свою благословляющую руку и благослови это дитя Твоим Отцовским благословением. Помогни, чтобы оно росло для радости родителей и для славы Твоей. Пусть благословение и милость Твоя сопровождают его. Пусть Ангел хранитель всегда ополчается и охраняет его от зла для славы Твоей. Мы просим Тебя, Господь: если продолжишь жизнь, то чтобы это дитя отдало Тебе свое сердце и прославило Тебя. Сохрани, Господи, это дитя от влияний мира сего.

Дай мудрости родителям воспитывать всех детей, чтобы воистину они личной жизнью могли явить Тебя, что Ты живешь в их доме и руководишь ими. Возвеличься и прославься через их семью. Мы просим, Тебя, во имя Отца, Сына и Духа Святого. Аминь».

С. Н. МИСИРУК

Община СЦ ЕХБ города Бельцы. (Фото 1996 года)

«Чтоб в собранье нам быть...»

Проникновенно

1. Чтоб в со-бра-нье нам быть, средь дру-зей, что-бы
 2. Шли го-да, у-но-ся в не-бе-са ду-ши
 3. На кон-чи-ну их жиз-ни смот-ря, на тер-

сла-ви-лось и-мя Гос-под-не, кто-то
 вер-ных сви-де-те-лей Бо-га; средь стра-
 -пе-нье и креп-ку-ю ве-ру, бу-дем

жерт-во-вал жиз-нью сво-ей, пла-ны
 -да-ний, на-сме-шек и зла про-лег-
 в жиз-ни стре-мить-ся все-гда под-ра-

Прпев

ру-ша сы-нов пре-ис-под-ней.
 -ла их зем-на-я до-ро-га. Не на-
 -жать их свя-то-му при-ме-ру.

-де-ясь на си-лы сво-и, путь свой Бо-гу все-гда пре-да-

-ва-я, Весть бла-гу-ю стра-даль-цы нес-

-ли, жизнь за-и-мя Хрис-та от-да-ва-я.

МОСКВА

Отпечатано в типографии издательства «Христианин» СЦ ЕХБ.
Издано на пожертвования верующих. Распространяется безвозмездно.